

Вологодский ЛИТЕРАТОР

№ 3, июнь 2014

Издание Вологодского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России»

...Царь Иван Грозный мечтал сделать Вологду столицей русской державы. Этого не произошло. Однако мечта Государя осуществилась в другом роде. Через много веков Вологда стала одной из литературных столиц Отечества. Десятилетия читающая Россия пила чистую, незамутненную воду из родников вологодской поэзии, прозы, драматургии. Плоть от плоти родного народа литература Вологодчины всегда жила его думами, делила с ним его боли и окрылялась его мечтами. Настали трудные времена. Ненавистники России и его народа во всеуслышание объявили о смерти русской литературы. Но нет, духовные традиции не прерваны, они живы. И по сей день слово писателей-вологжан звучало и, Бог даст, будет звучать и далее правдиво, искренне и свежо.

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

Заветы В. М. Шукшина

Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвел в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совестливость, доброту... Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами... Уверуй, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши невероятной тяжести победы, наши страдания — не отдавай всего этого за понюх табаку... Мы умели жить. Помни это. Будь человеком.

...Кто бы ты ни был — комбайнер, академик, художник, — живи и выкладывайся весь без остатка, старайся много знать, не жалуйся и не завидуй, не ходи против совести, старайся быть добрым и великодушным — это будет завидная судьба.

Александр ЯШИН

В несметном нашем богатстве
Слова драгоценные есть:

Отечество,
Верность,
Братство.

А есть еще:

Совесть,
Честь...

Ах, если бы все понимали,

Что это не просто слова,
Каких бы мы бед избежали.

И это не просто слова!

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ. XXI ВЕК

«Рыба гниет с головы — оправдание хвоста...»

Пословица

...Что еще должно случиться, чтобы мы поняли всю пагубность нынешнего своего существования, по сути, паразитирования вокруг газовой трубы?.. Кого винить: начальство или себя в том, что, скажем, только за последние три года из 113 тысяч голов дойного стада на Вологодчине осталось всего 51 тысяча... — Государству, имеющему такие заливные луга, — говорил организатор маслоделия Василий Верещагин, — не нужны золотые прииски. А мы живем по другим заповедям: «Государству, имеющему нефтегазовые месторождения, — не нужны заливные луга...»

Похоже, что в дискуссию «вернутся ли люди на землю», — самый убедительный аргумент внесла Америка, заявив о санкциях против России. А санкции — прежде всего продовольствие — тот самый чужой караван, на который мы подсели давно. Теперь остался один вопрос: успеть бы вернуться... Как говорится, «дошла гиря до полу...»

Надо признаться, что город далеко не лучшее место для жизни. Наука говорит, что оторванное от природы, от земли, городское население стремительно вырождается, что в организмах горожан уже на клеточном уровне происходят опасные мутации, не говоря о социальных и психологических проблемах.

Прежде всего, горожанин страдает от некачественного продовольствия, которое вынужден покупать в супермаркетах, которые все больше напоминают гигантские лохотроны.

По данным ученых Новосибирской «ЭКО-Новы», 90 процентов продуктов, покупаемых в наших магазинах опасны для здоровья и жизни.

Но вот на прошлой неделе мои знакомые фермеры, выращивающие свиней, вынуждены были сжечь за деревней более тонны прекрасного качества свиного сала.

Не могли продать. Вернее, им не дали контролирующие органы, которые, видимо, защищают интересы крупных производителей. Сдавать на мясокомбинаты — себе дороже, даже транспортные расходы не оправдываются. Мясокомбинат не дает фермерам более тридцати рублей за килограмм самого отличного качества свинины. Наверное, австралийская кенгурятина выгоднее для производства колбас. А самим мелким фермерам, обложен-

ным всевозможными запретами и условиями, поборами, — переработку не потянуть.

Просто посоленное сало уже считается переработкой, разрезанное на кусочки — переработка, не дай Бог, копченое в домашних условиях, — запрет. Запрет на запрете... Даже на улице торговать мясом нельзя. Мало ли какой микроб залетит. Так они заботятся о нашем с вами здоровье,

которое мы не устаем уповать, выталакивает людей из деревень, закрывая школы, ФАПы, почты и магазины, укрупняя административные границы поселений. Развитие высокотехнологического сельскохозяйственного производства так же ведет к гибели деревни, сокращению занятости.

Но у капиталиста всегда велик соблазн в погоне за прибылями создавать ГМО продукты, использовать не

что в сельском хозяйстве США господствуют крупные корпорации. Но это не так. На долю семейных ферм в США до сих пор приходится порядка 85% производства валовой сельхозпродукции. Примерно то же в Канаде и Австралии.

В США и других странах за последние 100 лет было много попыток вторжения в аграрный бизнес крупных корпоративных структур. Но они в силу особенностей сельскохозяйственного производства оказались неудачными...» Автор — генеральный директор Института конъюнктуры аграрного рынка (ИКАР) Дмитрий Рылько. Значит, такие невыносимые условия для частного создаются в России, на постсоветском пространстве. И в деревне нет жизни, и в городе никто не ждет. Панель, существование на нищенские пособия, преступная среда, наркотики, болезни и преждевременная смерть... Рак стремительно выходит на первое место среди заболеваний.

Город, как очередной этап развития человечества, себя исчерпал. Не буду стать предсказателем, но, на мой взгляд, если мы сейчас не вернемся к своим родовым гнездам, не вцепимся в землю руками и зубами, не начнем отстаивать свои права и не позаботимся о будущем своих детей, то расклад Маргарет Тетчер о том, что население России достаточно 15 миллионов человек, которые будут обслуживать нефтепроводы, скоро будет реальностью...

Но не будем впадать в пессимизм. У нас есть возможность сделать городскую жизнь более привлекательной и безопасной. Для этого нужно вспомнить наши деревенские традиции. А мы, по сути дела, кто в первом, кто во втором колене, и есть самые настоящие крестьяне. Более того, почти у всех: у кого в деревне, у кого в дачном кооперативе есть в собственности клочок земли.

На Руси говорят: «Своя земля — и в горсти мила». Что могут пятнадцать — двадцать родительских соток? При рациональном подходе к ним — очень многое. По крайней мере, могут обеспечить себя, детей и внуков овощами, ягодами, яблоками. А теперь в наших краях растут и груши, и сливы, и даже виноград.

Но зайдите в супермаркет: начиная от картофеля, заканчивая фруктами — все заграничное, импортное... Неизвестно какого качества. Скорее всего, выращенное китайскими или польскими земледельцами с использованием современных технологий

• Окончание на 2-й стр.

Анатолий ЕХАЛОВ

ДОШЛА ГИРЯ ДО ПОЛУ...

загоняя в супермаркеты с молоком, которое месяцами не киснет, а также мясом, выращенном на стимуляторах роста и т. д. Таким образом, были уничтожены в наших деревнях коровы, молоко от которых отказывались принимать, свиньи, овцы... Перестали выращивать бычков, гусей, кур...

В апреле 2013 года вице-премьер Ольга Голодец проинформировала общественность, что «38 миллионов россиян трудоспособного возраста работают непонятно где». Нет, известно. Большая часть до 20 миллионов — жители села, владельцы личных подсобных хозяйств, у которых нет иных занятий, кроме работы на собственном огороде, с которого продать чего-либо практически невозможно.

В декабре 2011 года Эльвира Набиуллина, тогда еще министр экономического развития, заявила: «Сохранение любой ценой экономически неэффективных малых городов и препятствование перетоку трудоспособного населения в крупные города может стоить нам двух-трех процентов экономического роста... Есть оценки, что в течение ближайших двадцати лет из малых городов России может высвободиться порядка 15–20 миллионов человек». Ждет ли их кто в городе? Владимир Путин ставит задачу создания 25 миллионов современных рабочих мест. Каждое влечет за собой сокращение от четырех до десяти рабочих мест. Считайте! Модернизация влечет за собой массовую безработицу. Такова логика развития. Мы становимся страной безработных. Государство наше, на

допустимые объемы химических удобрений, всевозможных стимуляторов роста, консервантов...

Вот что пишет мне Наталья Оленчина: «Я очень хочу верить в прекрасное будущее русской деревни. Но, к сожалению, то, что я вижу вокруг, не вселяет оптимизм. Сама на своей шкуре ощущаю все прелести отсутствия цивилизации в деревне. У нас дошло до маразма: мы ездим в соседское село за молоком, этой осенью продали последнюю корову в селе (хотя население около 2000 чел.). А всё потому, что держать скотину убыточно, а ещё ветслужба постоянно стала находить какие-то болезни у животных. Может, кому-то это покажется удивительным, но у нас в районе даже объявления о продаже поросят дать нельзя, приедут и сожгут твоих хрюшек, здоровых и холёных. Мы с семьёй всей душой ЛЮБИМ ДЕРЕВНЮ, но порой не знаем, — как жить?..»

Может быть, это закономерный процесс исчезновения мелкотоварного производителя в деревни. Все наоборот. Вот как обстоит дело в развитых капиталистических странах.

«...Агрохолдинги стали ведущим аграрным укладом в России, Казахстане и Украине... В развитых аграрных странах доминирующим укладом агропроизводства остается семейная ферма.

Не будем говорить о Западной Европе — с ней и так все понятно. Возьмем лучше США, как главного «законодателя мод» в крупном товарном сельском хозяйстве. «В России думают,

ПОЭЗИЯ. XXI ВЕК

Александр ПОШЕХОНОВ

СЛОВА РУССКОГО ЖИВОГО ГОРЬКОВАТЫЙ ПЬЮ НАСТОЙ

КУЗНЕЧИК

День прошел. Вечер сник. Дело — к ночи.
Задремало село на ветрах.
А кузнечик, зеленый звоночек,
Все звенит и звенит в клеверах.

Все звенит и звенит до рассвета,
Как душа продувная моя.
Все звенит и звенит, словно в этом
Заключается смысл бытия!..

ПРИВЫКАЮ

Привыкаю к новой жизни:
Печь топить, дрова пилить.
И своей родной Отчизне
Обещаю не скулить.

Дали пенсию — и ладно,
Сколь не вышло — все мое!
В деревеньке мирно-складно
Протекает житие.

Я от шума городского
Убежал к избе простой,
Слова русского живого
Горьковатый пью настой.

Не чем хвастать,
Не с кем драться,
Разве только с вороньем.
Приезжайте в гости, братцы,
Вместе песен попоем!

ГДЕ Я И ТЫ

С водою шепчутся деревья,
С травой шепчутся кусты,
И с небом шепчется деревня,
Где я и ты, где я и ты.

Где я в саду под птичье пенье,
Под вздохи-шорохи весны
Пишу свои стихотворенья,
А ты печешь свои блины.

Где я без усталости лопачу
На новых грядках каждый ком,
А вечерами жду удачу,
Следя за шустрим поплавком.

Где ты, не вспомнив про наряды,
С иной мечтою в голове,
Сидишь на лавочке, а рядом
Играют внуки на траве.

Здесь наше мирное дворище,
Твоя плита и мой Парнас.
И лучшей доли мы не ищем,
Поскольку главное — при нас!..

ФИЛЯ

*«Филя любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!»*

Н. Рубцов

В бездны города глядя с обидой,
Я рубцовскому Филе завидую.
Мудрость в нем с простотою сливается.
И простые надежды сбываются.

Потому что тот Филя не ведает,
Как «ученые» люди обедают,
Как морочат друг друга и мучают,
Митингуют по всякому случаю...

А у Фили заботы — коровушка,
Да в соседнем селеньице вдовушка.
А у Фили желанья веские —

Побродить по заре перелесками,
Постоять у реки. Помолчать —
Чтоб с утра все сначала начать!..

И ВБЛИЗИ И ВДАЛИ

И вблизи и вдали —
Пересохшие травы стеною.
Чиркнет спичку малец —
Запылают родные края,
Словно черная рать
Пронесется по весям весною...
Восемь соток земли —
Вот сегодня отчизна моя.

Восемь соток земли.
Я на них муравьем семижильным
Кувыркаюсь весь май,
То ведром, то лопатой звеня...
А от прежних полей
Тянет сумрачно духом могильным,
Этот дух неживой
Каждый день убивает меня.

Предвещая беду,
Шелестят пересохшие травы,
(Двадцать лет, почитай,
Здесь уже не гуляла коса).
Двадцать лет по ночам
Орошают их слезу Державы,
Разве кто-то поверит,
Что это всего лишь роса...

ЗНАЧИТ...

Все — не то, не там, не так,
Век беспутен, мир — кабак,
А судьба — болото.
Отыскать бы толстый сук,
Да избавиться от мук.
Только страшно что-то...

Пусть надежда чуть жива.
Но теплы еще слова
Божьего завета:
Если свет накроет тьма,
И бесчинствует зима,
Значит, будет лето.

Будут птицы щебетать,
Будет теплый дождь шептать:
Радугой дорога!..
Значит, надо зимовать,
Верить, ждать и уповать
На себя и Бога.

ДУДОЧКА

А я дудочку возьму,
Самогудочку.
Сотворю я той дудочку
Побудочку:
Просыпайтесь ото сна,
Люди русские.
Полонит водой весна
Тропы узкие,
По оврагам да логам
Звоны струйные,
Бьют лозою по ногам
Ветры буйные.

Вот и солнышко ярится
Над ельником.
Срок пришел приободриться,
Брательники.
По сусекам поскребем
Да по ларчикам —
Обогреем русский дом
Самоварчиком.
Кренделечком похрустим
Спозараночку.
И немного погрустим —
Под тальяночку!..

ПИСЬМА

Я письма пишу из деревни осенней.
Порою похожи они на стихи.
В них горькая суть роковых потрясений,
Но есть и намеки, но есть и штрихи.

Тяжелые строки на белой бумаге
Как темная явь и тревожные сны.
И домиков дачных цветные ватаги
Их легкими сделать, увы, не вольны.

Пустынная жажда неясной свободы
Еще пролетает на крыльях ветров,
Но все исчезает на в капризах погоды.
В пугающем зеве пустынных дворов.

Мы вновь основательно пали в разруху
И вновь отреклись от греха и вины.
И страшно ночами улавливать уху
Жестокие звуки незримой войны.

Уже ль ни Рубцов, ни Есенин
Сюда не вернутся под звон бубенцов,
И письма мои из деревни осенней
Исчезнут. Как дивная слава отцов?

...А домиков дачных цветные ватаги —
Не русская сила, не русская рать.
И требует сердце под русские стяги
Иную, надежную рать собирать!..

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ. XXI ВЕК

• Окончание. Начало на 1-й стр.

подкормки и борьбы с вредителями.
Во весь рост встала перед нами про-
блема генно-модифицированных про-
дуктов...

В конце января при областной уни-
версальной научной библиотеке имени
Бабушкина состоялось первое органи-
зационное собрание клуба «Вологод-
ская деревня». В нем приняли участие,
помимо простых граждан, озабочен-
ных разрушением деревни, ученые,
руководители хозяйств, фермеры,
предприниматели, мастера народных
промыслов, писатели, хранители сель-
ской культуры...

Спасибо всем, кто пришел и поддер-
жал это начинание, которое должно
быть успешным. И, в первую очередь,
потому, что подавляющая часть при-
шедших поддержать деревню, настро-
ена позитивно, и намерена делами
повлиять на сложившуюся ситуацию
в селе или, по крайней мере, обеспе-
чить себя и свои семьи безопасным
продовольствием. Отрадно, что много
было молодежи, примеряющей на
свои плечи сельскую жизнь. И не все
так уныло и бесперспективно. Олег
Коншин из д. Пожарища рассказал о
своем опыте сохранения деревенских
традиций, обрядов, которые помогли
сохранить деревню. На сегодня на по-
стоянное жительство в их общину едут
из разных городов, из Москвы; и даже
из Канады приехала семья.

Сегодня клуб «Вологодская деревня»
объединяет более ста человек. И ос-
новная задача его — объединительная.

До революции вся русская сельская
жизнь уверенно покоилась на трех ки-
тах: соборность, заединщина, артель-

Анатолий ЕХАЛОВ

ДОШЛА ГИРЯ ДО ПОЛУ...

ность. То есть, основные проблемы
решались всем миром, общество объ-
единяли единые цели, и все большое
и многотрудное создавалось артельно.

В городе, надо признать, мы на-
столько разобщены, что часто не знаем
соседей по лестничной площадке, пре-
вращаясь для искателей политической
власти в электорат, которым легко
манипулировать.

Но вот появились «товарищества
собственников жилья», и это радует,
потому что в рамках этих товариществ
возможно самоуправление, те самые
соборность и заединщина, и даже ар-
тельность, которые позволяли селянам
решать самые сложные вопросы и вы-
живать в самых суровых условиях Се-
вера. На этих испытанных китах мож-
но и нужно выстраивать городскую
жизнь, не позволяя себя закабалить и
отравлять.

Что стало первоочередной задачей
созданного в городе клуба «Воло-
годская деревня», — выпечка на соб-
ственные нужды безопасного хлеба
без отбеливателей, разрыхлителей,
улучшителей вкуса, без вредоносных
дрожжей.

Можете зайти в интернете на мою

страницу «В контакте «Анатолий Еха-
лов, писатель и режиссер. Вологодская
деревня. Будем жить!», где размещают-
ся материалы о деятельности клуба. В
настоящее время страница эта пере-
форматируется, в ней появятся многие
разделы от поисков единомышленни-
ков до рецептов крестьянской кухни...
Но самое главное, мы создаем в рамках
ее магазин виртуальный натуральных
продуктов, выращенных с душой и
без химии на ваших участках, на де-
ревенских огородах, в крестьянских
хозяйствах...

Мы, горожане, способны сами обе-
спечить себя и картофелем, и мор-
ковью, и яблоками, яйцами и даже
мясом, объединившись и специализи-
ровавшись.

Мой товарищ-горожанин нынеш-
ним летом намерен завести на своем
участке 300 кур, которые обеспе-
чат яйцами до ста человек, кто-то
собрался выращивать индюков, а
кто-то получает уже такое обилие
яблок, что вынужден закапывать их в
землю...

Нам нужна кооперация и коор-
динация. Вспомним Александра
Чаянова, всемирно известного теоре-

тика российской кооперации. Коопе-
рация — эффективная защита мелкого
производителя от крупного капитала.
А закон о кооперации не дает возмож-
ности государственного вмеша-
тельства в ее деятельность и избавлена от
непосильных налогов, которые несет
современный мелкий бизнес.

В постиндустриальном обществе
будут другие побудительные причины
жить на земле. И владение собствен-
ным участком на земле будет намного
престижнее и «круче», чем город-
ская, упакованная «гаджитами» квар-
тира...

И, напоследок, одно из писем при-
шедших в мой адрес: «Мы с мужем
хотим возродить какую-то вологод-
скую деревню. Хотелось, чтобы именно
деревня, как общность людей была,
а не индивидуальная усадьба. Хотим
пригласить единомышленников при-
мерно 10 семей. Сделать общие ма-
стерские, установить правила и т. д.
Хотела у Вас спросить — не знаете ли
Вы, где можно узнать информацию
о таких деревнях (так, чтобы оста-
вались столбы для электричества,
какая-то дорога, пусть и не хорошего
качества). Нам бы хотелось примерно
Сокольский, Сямженский или Тотем-
ский район. Но можем и другие ва-
рианты рассмотреть. Заранее спасибо.
Меня зовут Тамара Старцева. Мы
сейчас как раз продаем рукодельный
бизнес — производство товаров для
рукоделия и хотим заняться русскими
северными народными ремеслами,
русской северной культурой и т. д.
Поэтому и мастерские хотим органи-
зовать для работы с натуральными
материалами: деревом, льном и прочее.
В первую очередь хотим сами освоить
несколько ремесел...»

ПУБЛИЦИСТИКА. XXI ВЕК

...В 90-е годы власть перестала называть народ народом. Это знак, сигнал. Чаще всего используется характерный термин население страны, и оно, население, в последние годы неуклонно растет, о чем нам с радостью сообщают. Можно согласиться: население и впрямь растет — народ убывает. Населением называют тех, кого населяют на определенную территорию, сажают на землю, а народом — тех, кто здесь родился, кто ведет свой род и помнит о своих предках. Чувствуете разницу?

Ну, разве сумел бы Мавроди и ему подобные увлечь халягой и облапошить десятки тысяч наших сограждан, осознавая себя народом? Это когда на Руси жили на дармовщинку? Разве народ выдержал бы столь долгое и изощренное унижение? Позволил бы обворовать себя, купившись на ваучер, впоследствии проданный за бутылку? Допустил бы, чтобы у нас на улицах жили сотни тысяч беспризорников, как после Гражданской? А еще столько же — в детских домах? Стерпел бы безудержное пьянство, наркоманию, практически открытое рабство малолетних, проституцию, торговлю людьми? Беспредель милиции-полиции, крышующей преступное и порочное? Сжил бы народ с не знаемой даже в России чиновничьей коррупцией и самоуправством? В переводе на русский — с казнокрадством, мздоимством и лихоимством?

Существование всего этого разве не национальный позор? Разве это не унижение, добывающее остатки чувств народного единства и гордости?

Я понимаю, невосприимчивость к боли — последствия шоковой терапии, которую применили к целому народу. Да еще к какому народу! Который победил в самой страшной войне, который страну из руин поднял, который в космос первым вышел! Которого уважали во всем мире и во все времена!

Но как же такой народ позволил предателям и тщеславным авантюристам от политики развалить государство, обокрасть себя да еще добровольно встать на плаху, дабы получить укол шоковой терапии?

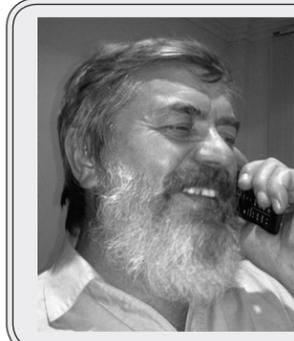
Россия впервые напрямую столкнулась с неизвестной стратегией непрямого действия. И, не имея опыта, помимо воли своей стала соучастником преступления по уничтожению собственного государства. Это печально, но это факт. Помните, с чего все началось? С митингов, связанных с экологией и борьбой с привилегиями партработников. (Нынче эти привилегии кажутся смешными!). Потом вбросили лозунг застоя в экономике, карточную систему и картину пустых магазинных полок. И почти сразу же слоган: «Кооперация спасет страну». Не спасла, но последовала ваучеризация, то есть бумажный дележ всего, что было накоплено многими поколениями. Тут и увяз котокот. Далее уже можно было искушать население как угодно и чем угодно: финансовыми пирамидами и паленой водкой, и карательными кампаниями и заманчивыми способами накопления первичного капитала, неприкрытым рэккетом и открытым ненаказуемым бандитизмом. Руки у «великих реформаторов» были развязаны. Втянутые в преступление, как неразумные подростки в воровскую шайку, мы уже почти не сопротивлялись развалу Варшавского Договора, государства СССР.

Однако были и скрытые, не экономические мотивы соучастия в преступлении. Моральные, нравственные и не осознанные, касаемые непосредственно Дара Речи и магии слова. Мы все стали клятвоступниками. Все, кто служил в армии и присягал Родине, все, кто вступал в пионеры. Теперь это кажется уже мелочью, некой детской игрой: ну, подумаешь, дали в руки листок, велели прочесть торжественное обещание...

Это уже мир тонких материй, выраженный в пословице: «Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь». Есть два вида измены: осознанное — комплекс Мазепы — и не осознанное — комплекс Андрия Бульбы. И оба закончили плохо — такова участь клятвоступников.

Думаете, что-нибудь изменилось со времен Запорожской Сечи?

Нет, совестливых людей еще довольно. Их многие миллионы, но им стыдно друг другу в глаза смотреть, стыдно перед дедом, родителями, женами и детьми. Они разобщены и не чувствуют локтя друг друга, лишены поруки — вечеревого братского круга. «Земля велика и обильна, а наряда в ней нет». Поэтому одни ходят подавленными, хмурыми, смурными, молчаливыми, уставив взоры в землю, и давно

Сергей АЛЕКСЕЕВ

ЗАСАДНЫЙ ПОЛК

не видят неба; другие втихушку заливают горе водкой и храбрятся только пьяными, чтобы вместе с похмельем наутро ощутить себя еще более виноватыми. Чувство унижения — основная причина поощряемого властями пьянства в России.

А унижают тот народ, который позволял себя унижать.

Нечто подобное Русь испытывала во времена монголо-татарского ига, нависшего над страной по той же причине — неспособности княжеской власти владеть государством. Автор «Слова...» предчувствовал, предвидел веший грядущее, поэтому и призывал перессорившихся князей к миру и единству. Тогда потребовалось три века унижения и всенародного позора, чтобы эти чувства переплавились в волю, которая потом вывела единый народ на Куликово поле.

Но это далекая история, а у нас есть более близкая, узнаваемая, еще трепетная и живая — состояние общества перед Великой Отечественной, перед нашествием коричневой чумы и угрозой нового порабощения.

Революция и Гражданская война перемолотили Россию в щебень, в песок, и казалось, ничто уже не может сцементировать, спечь эту шуршащую, топкую массу хотя бы в конгломерат. Большевики пытались создать новую формацию — советский народ, замешанный на общности и космополитизме. Уже хромящая аристократическая элита России вместе с остатками своих нравов легла на землю на Гражданской или оказалась в эмиграции. Столыпинская гордость, крепкий мужик-крестьянин, средний класс, основа тогдашней России, ограблен, отправлен в лагеря и ссылки. К власти пришел чеховский герой — маленький, угнетенный, голодный и обозленный человек в гоголевской шинели, способный только на диктатуру. Новая идеология, хотя и была замешана на общинных принципах, но еще не вросла в сознание — Россия была обречена на гибель.

Так думали немцы и с ними вместе весь буржуазный, капиталистический мир. Гитлер еще в 39-м году создал Единую Европу, так что нынешняя ЕС — вовсе не заслуга современных политиков. Разница лишь в том, что фюрер Европы строил суперимперию на идеологических принципах, а теперешняя выстроена на чисто экономических. Оккупация европейской части СССР и победа Германии сделали бы американцев и англичан лучшими друзьями Гитлера: они бы и зверского фашистского оскала не заметили, и холокост бы простили, только бы этот монстр их не трогал.

Но в 43-м наступил неожиданный перелом в войне, немцев поперли назад, в свое логово. Формальные «союзники» Советской России, уже готовые к союзу с немцами, сначала ошалели, потом быстро переориентировались и наконец-то открыли второй фронт.

Что же произошло? Или опять вышел из укрытия некий засадный полк, как на Куликовом поле?..

Потому что на защиту Отечества поднялась коренная Россия!

До середины 42-го в регулярную армию брали молодяк, воспитанный на новых коммунистических идеалах, и когда он уже догорал в пекле войны, стали призывать старшее поколение — до 50-летнего возраста включительно. На фронт пошла коренная Россия, дух которой был вскормлен на традиционных русских ценностях, а главная из них — защита Отечества. На передовую пришли зрелые мужики без комсомольского задора и партийных марксистских воззрений.

Тот самый засадный полк.

Все мы помним картину А. Бубнова «Утро на Куликовом поле». Обратите внимание на построение русских полков: в первых рядах стоят старики, за ними — поколение помладше, и основную гущу войска составляют молодые, здоровые и сильные. Это древний, скифский, способ построения боевого порядка, гениальный

по психологическому замыслу. Первые ряды в стычке с супостатом погибают первыми, это, можно сказать, смертники, поэтому они в белых рубахах и фактически не имеют доспехов. Отсюда злылась поговорка: «Не суйся поперек батьки в пекло». Деды должны умереть на глазах внуков, отцы — на глазах сыновей, и их смерть наполнит сердца молодых яростью ратного духа, вылетит составляющую личной мести. А слово месть от место — чисто воинский термин, когда молодой занимает в строю место погибшего старшего из рода.

А есть ли она сейчас, коренная Россия, существует ли еще засадный полк, который в решающий час способен выйти из дубравы и вступить в бой?

К разочарованию наших «партнеров», как внешних, так и внутренних, должен сказать: есть. И «партнеры» прекрасно об этом знают, поэтому, как и во все времена, любыми способами пытаются разобщить поколения, разделить по возрастному принципу, растащить по партиям, увлечениям и интересам. Перессорить мужчин и женщин, детей и родителей. Выбрасывают отвлекающие заманухи: трагическая смерть русской народной героини, принцессы Дианы, перестала работать — появились девки из «Пусси Райт», оскверняющие храм. А еще в рукаве полно тузов, чтобы манипулировать нескончаемой антисемитской игрой в «дурака», еще не доиграла свою партию скрипка экстремизма, межнациональной и межконфессиональной розни. Еще есть в арсенале гомосексуалисты, наркоманы, экологи, пацифисты. Ну а темой борьбы с коррупцией, публичной поркой списанных чиновников, депутатов можно еще долго морочить головы!

Мы, к сожалению, пока еще поддаемся такому влиянию, берем дешевые наживки, грубо насаженные на крючок.

Поэтому хватит валить все на власть, на антинародный режим, на происки внешних и внутренних врагов. Хватит винить наглость кавказцев и ругать евреев на кухнях. Все они как раз поступают естественно и предсказуемо, влекую, без напряжения манипулируя сознанием. Совестливым людям надо учиться, образовываться, и если уж выходить на площади, то только для того, чтобы там ощутить себя народом. Площадь — школа хорошая, но не единственная. В советские времена с демонстрациями вообще была «напряженка», более трех не собирались, поэтому потребность «столпотворения» (толпа от столп), чувства плеча товарища реализовывалась на официальных праздничных шествиях. На площади население ощущает себя народом и непроизвольно впадает в эйфорию: чувство локтя, чувство единения вызывают ликование. От радости люди забывают, по какому случаю собрались. И, утратив природное, присущее славянству, нравственное чутье, «задний ум», попадают в умело расставленные сети манипуляторов. И вот уже стихийные митинги возглавляют охвостья прежних «элит», телеведущие, гламурные барышни, блогеры и просто авантюристы, призванные и ведомые властью, чтобы выпустить пар.

Власти об этой особенности национального характера известно, и она, власть, изо всех сил пытается размыть, растворить потребность мирного «столпотворения», загнать под контроль любое его проявление. Большевики тут отдыхают! Теперь даже свадебные церемонии придется согласовывать с администрацией.

Поэтому на площадь лучше ходить в праздники, чтобы радоваться, гулять, отдыхать, с детьми, и ходить со своими гвардейскими ленточками. Потому что вам навязчиво станут предлагать другие — белые, оранжевые, серо-буро-малиновые.

Вы заметили, как в последние годы миллиарды из бюджета уходят на строительство спортивных сооружений, содержание футбольных команд, инопланетных, судя по зарплатам, тренеров и, в том числе, на поощрение фанатских организаций. Хотя по-прежнему нет ни настоящего футбола,

ни истовых спортивных болельщиков. Зато выполняется главная задача спорта и власти — выпустить пар на трибунах стадионов, дабы он не выхлестнулся на улицы и площади. Та же цель преследуется и в СМИ, когда нам с утра до вечера навязчиво гонят кровавые детективные сериалы. Количество криминальных трупов, показанных нам тремя основными каналами, уже соответствует количеству населения России.

Вместе с паром из нас выпускают виртуальную кровь.

Но легче всего осуждать пороки и невыносимо трудно приводить в лад разлаженные отношения общества и государства.

Я не призываю ни к бунту, ни к созданию новых партий и движений. Да и рекомендацией или спасительных советов давать не собираюсь. Необразованная власть более всего боится, если электорат станет образованным и ощутит себя народом. И этому мы получаем все больше и больше доказательств. Совсем недавно известная вам модель человека от власти, Герман Греф, на форуме в Петербурге прямо так и заявил: не надо образовывать население страны! Мол, если оно узнает всю правду, то им, населением, станет невозможно манипулировать. Прямо так и сказал. Дескать, благо, что есть журналисты, рядящиеся под свободную прессу, они-то и дают обществу дозированную информацию — сколько положено.

Любая манипуляция сознанием имеет явные признаки мошенничества, деяния, уголовно наказуемого.

Будь народ народом, на следующий же день Сбербанк лопнул бы, как мыльный пузырь, вкладчики бы забрали свои деньги. Разве можно доверять их такому банкиру? А прокуратура возбудила бы уголовные дела на СМИ, нарушающие статью о праве на информацию, записанную в Конституции.

Я призываю своих соотечественников к образованию, к обретению образа народа. К тому, чего так боится власть, и чему всерьез препятствует из-за своей неспособности управлять образованным населением. И, трижды поплевав через левое плечо, опасаясь взглянуть, сообщая вам шепотом, на ухо: наш народ сегодня потянулся к знаниям! Потянулся к своим истокам. Невзирая на то, что истоки лихорадочно засыпают мусором, пытаются загадить, а где не получается, просто взмутить, мол, пока отстоится, кое-что успеем. Потянулся жадно, как всякий жаждущий.

И власть это почувала. Поэтому наскоро выставляются противотанковые ежи и рожу рвы в виде назначения чудовищных по своей необразованности министров образования и культуры. В школах усиленно совершенствуется отупляющий ЕГЭ, идет уже ничем не прикрытое, откровенное разрушение некогда могучей системы высшей школы. Причем это делается так поспешно и грубо, что напоминает отступающего агрессора, который сжигает последние мосты и отравляет колодцы.

Русская тройка долго запрягается, но катится быстро.

Предвижу возражения скептиков: мол, в современной политической системе, ориентированной на тотальную глобализацию, практически невозможно что-либо сделать. Дескать, перед нами даже не просто государственная машина — бронированный монстр, ведомый сильными мира сего. Разве можно создать структуру, развивающуюся и существующую по другим правилам и законам? Ротшильды и Рокфеллеры, «мировая закулиса» не потерпят подобных вольностей, идущих вразрез с решениями их «политбюро». Вездущая политтехнология манипуляции сознанием размажет, сотрет в порошок. В лучшем случае любое положительное начинание объявит ложью, сектантством и предаст анафеме, что уже не раз бывало. В худшем — признает эту структуру террористической, а остальное довершат войска НАТО.

И будут эти искусственные скептики в чем-то правы.

Не делая никаких выводов, я просто приведу «природный» пример, когда зарождение, развитие и существование качественно новых структур не подвержено ни влиянию извне, ни, тем более, управлению и манипуляциям. Природа всегда мудрее нас, если мы еще способны видеть ее, слышать и чувствовать.

...В 70-х годах появилось заболевание пчел, начинаемое варроатоз. Это клещ-паразит величиной чуть более макового зерна, который поселяется на шейке, возле головы, и заедает пчелу, выпивая из нее соки. Самая совершенная модель самоорганизации в природе, пчелиная семья,

• Окончание на 7-й стр.

ПРОЗА. XXI ВЕК

Посвящается
Ларионову Арсению Васильевичу

С УТРА солнце выглянуло из-за края земли, растолкало тёплыми ладошками облачную завесу и выкатилось на небесные просторы. Осветило лес, раскинувшийся от горизонта до горизонта, и стало неспешно взбираться по голубому своду.

К полудню огненный шар раскалился, насытил жаром лесной воздух, и хвойный дух растёкся по бурелому, заставил рысь тяжело вздохнуть. Ветка слабо качнулась, убаюкивая распластавшееся на ней животное, и успокоилась. Кошачий глаз дрогнул, мельком пронзил муравьиный кучу, взгляд задержался на струящихся муравьиных тропах и потух, заволока сном.

Травяной дурман поднимался к кронам деревьев и ветром разносился по бескрайнему простору, и всё дышало этим воздухом: и звери, и солнце, и орёл, паривший в вышине. Не шелохнёт крылом, будто прикипел к небу. Под ним реки меж деревьев узоры плетут, безмолвные озёра поблескивают, холмы елями разукрашены, луга цветущие лес испятнали. Смотрит орёл туда, где земля с небом целуется, сияют там купола Великого города, над великой рекой Ардвы - Двиной именной, в море ледяное убегающей.

Шумят листвою дубравы древние, скрывают священные места, песней тягучей проливаются, пытаются рассказать, что было и не было, поведать тайны вековечные. Но некому слушать, всяк сам по себе. Никто не мыслит и никто не знает — один Бог ведает.

Парит орёл над Светорусьем, осматривает Русь древнюю, дохристианскую. Под ним болото клюквенное, за ним озерцо заилось, забилось камышом. Сверху тропки не видно, всё пошло мелкими, подсыхающими на корню сосёнками. Из болота тонким ручейком речка выбегает, кустами смородины укрывается. Набирает силу и в километрах пяти бежит полноводной рекой, раздвигает лес, образуя воздушный коридор в сплошном лесном массиве.

У истока валун лежит — Алатырь — Алатырь камень, врата в потусторонний мир. Как чаша небесные воды собирает, из неё сам Дажьбог пил и на место ставил. А под ним подземные потоки текут, друг над другом пересекаются, малыми ключами на поверхность выбиваются, речку Смородину подпитывают.

Далеко внизу, среди леса дремучего, деревня виднеется. Посреди деревни, на горюшке, церковь стоит, прямо к небу возносится. Заброшенная, с заколоченными проёмами окон и дверей, сверху кажется живой и ухоженной.

Источает незримую красоту, связывает с красотой небесной и плетёт гармонию мира, как кружевица узоры затейливые. Напротив церкви дом стоит, там девушка с дочкою спят. Перед тем, как заснуть, всю ночь пролежала с открытыми глазами. Изболелась душа в ожидании. Как весной из надрубленной берёзы, истекала из неё жизненная сила. И вот утихла боль. Смирненно к утру заснула, увидев во сне образ милого. К утру сон чуток. Ночные видения цепляются за сознание, не торопятся исчезнуть, и девушка не гонит, досматривает причудливые картины. Вот она уже мыслью парит над необъятными просторами. И видится ей вся мать-сыра земля храмом необыкновенным. Раскрыт он на все стороны света. А в нём люди и звери, леса и реки — всё едино, всё в общей молитве. И этот земной храм перетекает в храм небесный. И всё это происходит из древа вечности рода. Древнее, неизвестное, проникает в девушку. И видит она полумиллионной давности земли предков своих, где правили не законы, а справедливость и благодать Божия, где не знали черты оседлости, а знали безграничную свободу духа, где витало сокровенное безмолвие, не тронутое нынешней мерзопакостью развращённого слова.

Лежит девушка, глаза распахнула, а перед ней не потолок — даль беспредельная. Соскользнула с кровати, половицей не скрипнула. С крыльца на двор, со двора на улицу. Сумеречно. Роса не холодная, но и не тёплая.

Приятно холодит шиколотки. Девушка по взгорку к церкви подошла, руки в траву

опустила и лицо росой умыла. На восток взор направила, а там заря пробуждается, день начинается. Солнце правды встает, тьму гонит, невидимое видимым делает.

Лучи стрелами пространство простреливают, двери мрака приоткрывают, свет в мир напускают. Смотрит девушка, как щёлочка ширится, тот мир с этим соединяет, и запела душа, возрадовалась. Крестится девушка, и Христа-Присный Свет славит.

Вместе с разгорающимся светом ширится лес, раздвигался в разные стороны; поле луговое как из-под земли выросло, в туман куталось; прозрачный воздух птичьим щебетом насыщался; небосвод ввысь уносился, забирая с собой и расширяя в синеве черноту, сея из-за облачка

Виктор ПЛОТНИКОВ

БЕЛЫЙ ОРЕЛ

спокойствие и радость. Землёй пахло и травами.

А по лесу человек идёт, дороги не выбирает. Раскидывает ветки, путь себе прокладывает. Не сбивает шаг, оглядывает папортниковые заросли, на открытых полянах отмечает переросшие грибы, пластами покрывавшие землю. Разлапистые ёлки сбивают темп. Зацепившись холщовой сумкой среди колких ветвей, человек перевёл дух, и неожиданно для себя поразила красотой и величавостью леса. Множество белоствольных стволов слоили пространство, а по краю берёзовой, насквозь просвеченной роши, застыли ели. Слово подстриженные, одной высоты, стояли деревья, верхушками выстилая площадку, как будто приглашали спуститься с поднебесья усталые, вечно плывущие облака, среди которых парил орёл.

Спокойный дымчатый взгляд птицы отыскал внизу человека, и тёмный зрачок ещё более сузился. Два взгляда встретились: твёрдый, тягучий и ровный, каменного неподвижный, всепроникающий. Качнулись крылья, и орёл поднялся в поднебесье. Тенью перечеркнул солнце, оставив после себя гордое безмолвие. Опахнуло чем-то древним, возбуждающим. Что-то родное всколыхнулось в памяти, но не закрепилось в образе. Лишь боль охватом тронула сердце...

Среди хвой смуглое лицо казалось чеканным, вырубленным на стволе векового дерева. Белесые, разлётные брови крылатились над сияющими глазами. Казалось, сама древность всматривается в вечно молодое, по-матерински счастливые настоящее. Лежащие на плечах широкие костистые ветки подчёркивали вдруг потяжелевший взгляд. Сухо шелестела листва. Ровный шепоток скользил по роше, нарастал к верхушкам бурчливым говорком, словно жаловался на что-то.

Сбитая кепка попала под ногу, и человек, раскорячившись, попытался дотянуться, но не достал. Пришлось скинуть зацепившуюся за сучья сумку и буквально выползти из-под колких лап. Обтёр лоб матерчатой кепкой, с плотным козырьком, широко передохнул, хватив ртом свежий воздух. Поляну плотно покрывал трилистник. По краям краснели тонконогий осинник, пожурчивал чуть вздрагивающей листвою. И от этого шелестения вдруг показался человеку силуэт девичий, тёмный, с накинутой на плечи полупрозрачной шалью. Белесая накладка всколыхнулась, готовая обнажить лицо, осветилась жемчужно на солнце. И вдруг в отдалении часто зашёлкал дятел, дробный звук глухо примешивался с нежным выщелком невидимой птахи, пронизываясь снизу пронзительно-жалостным потрескиванием одинокого кузнечика. И это монотонно-жалостное потрескивание буравило тишину, проникало в сердце, нагоняя непонятную тоску и тревогу. Не в силах оторваться от блеклого колыхания, человек мягко продвигался по зелёному

ковру и слышал только своё дыхание. Волнение улеглось, когда он разглядел аккуратную, словно подстриженную с боков ёлку, опутанную сверху донизу шелковистой паутиной. Среди кустов она и впрямь напоминала человеческую фигуру. Вскинув руку, хотел смести с верхушки кружевные тенёты, но сдержался. Стылым пахнуло от крепкой, туго сплетённой паутины. Но ощущения видения остались, что-то призрачное сохранилось в воздухе. Живым наполнился лес. Теперь уже не просто шумкали деревья, а шептали. Жалеючи, переглядывались, мельком показывая свои лики в густо переплетённых, плескающихся на ветру ветвах. Неуютно стало под неведомым присмотром. Того и гляди леший выглянет из-за

куста. Таинственной силой наполнился лес. Испытующе заприхватывал веткой за руки, заподсекал ноги травой, вот-вот взащей толкнет, о коряжину разобьет. И, как тысячи лет назад, захотелось поклониться во все стороны, попросить защиту у неведомого, поклясться не переступить запретного, лишь бы дорога была не спотычная, судьба была бы удачная, а встреча полна милости...

Раннее утро перетекало в день. Солнце покарабкалось по небесной тверди, но так в зенит и не выбралось. Вползло в набегающие облака и, словно нехотя, выглядывало, разбрасывая тень по земле. Человек какое-то время стоял, рассматривал на паутине капельки росы. Кружевное плетенье завораживало. Хотелось оказаться там, среди блистающих капелек. И так же сиять, пока не высохнет солнце или не столкнёт паук, стремглав бросающийся из схрона к своей жертве. Вздрогнула паутина, и человек увидел, как из-под листочка вздргнулась паучья морда, выскользнула по натянутой нити, вытаскивая вздутый живот. Передние лапы уперлись в переплетение волокон, и всё тело замерло. Напряжение длилось мгновение, и тут же, стремительным рывком, паук метнулся обратно. Не шелохнулась сеть, всё также блистала ослепительной красотой, призывая окунуться в бархатистое лоно и насладиться покоем. И лишь листочек слабо шевельнулся, скрывая медленно ускользающую мохнатую лапку.

Поднимается солнце. Лучами земную красу обнимает, ко всему живому ластится. По верхушкам деревьев блёстками рассыпается, на цвета радуги расплывается, драгоценными камешками в росе заплетается. Славно солнышку в вышине, ничто не застит. Любуется солнце на деревню среди леса дремучего, каждая постройка на месте — красы не портит. Края деревни горюшки подпирают, ухажористо обхватывают огороды, не дают беспорядочно расплзтись, плотняют деревню. Слово к свету разворачивают.

Перебирает солнце скаты крыш, одинаково греет и рубероид, и шифер. Крепкие дома потемнели от времени, теснятся вдоль улицы, ломающейся по угорам. Дома то приподнимаются, то опускаются, но стараются держать шеренгу. Древние пятистенки смотря резными окнами во все стороны, на некоторых ещё сохранились дымники, коньки на крышах. Дома поновее невольно тянутся следом, но резбой и росписью уступают старым постройкам. Не хватает у хозяев времени и терпения на деревянное кружево, на красоту и созерцание.

У калитки девушка стоит. Прежде, чем уйти в дом, взглядывается вдаль, пытаясь разглядеть на вскинутой на бугор дороге знакомую фигуру. Чувствует радость скорой встречи. Блистают яркие блики перед глазами, красят небосвод оранжевыми разводами и от частого смаргивания маячками вспыхивают, сарафанисто рас-

ползаясь над дальним лесом. Путаются в солнечных бликах стремительные ласточки, а над ними, наплывая на деревню, кружит, раскинув недвижно крылья, орёл. Темное пятно расплывается в затуманенном взоре, превращаясь в серое облачко, то вдруг дробится на бесчисленные точки, теряясь среди снующих птах. Иногда видение приближается, и девушка отчётливо видит дрожание оперения, белый пух на подборюшке, волнующий воздушным потоком. И тут же всё отбрасывается, уносится ярко-белым свечением в небесную синеву.

Недалеке от деревни кто-то торопливо вырубку ведёт. Лесная проплешина беспорядочно завалена сучьями и отсечёнными верхушками. Всё в навал — не пройти, не проехать. Торопятся — словно и жить времени не осталось. Загажено место — ни зверью, ни людям.

За огородом задорный крик петуха рвёт тишину, к солнцу возносится. Перехватило дыхание. Сердце зашло в бешеном ритме и вдруг провалилось. Ушла кровь с лица. И только глаза сияли. Медленно восстанавливалось дыхание. Кожа из мертвенно-бледной костерком разгоралась, пламенела на щеках. В эту секунду мысль унеслась девушка к мужу своему, родимому.

Ветром выющимся вознеслась, к образу милому устремилась. Летит мысль молнией огненной, вихрит пространство. Завибрировал воздух, стоном полнится. Кроны лесные к земле клонятся. Водные глади рябью морщатся. Тихий гул по земле пошел. Все зазвучало, запульсировало, звукосогласием наполнилось, протяжным зыком в космос вырвалось, в мелодию вселенских сфер влилось. И сомкнулось видимое и невидимое в единый мир, любовью скрепилось.

Взбыстрилось всё и успокоилось. Клубком тянулось солнце, мерило небо. Шло поперёк пути человека. За это лето он окреп, раздался в плечах. Рубашка в тугую обхватила грудь. Еще недавно нежные черты лица загубели, и юношеская красота незаметно перетекла в мужскую. Обозначившись скулы еще больше придавали насупистый вид. Он был похож на бойца, идущего в атаку: все сильнее убыстрялся шаг и решительней горел взгляд.

Вскоре человек вышел к болотцу. Несколькими годами назад оно выгорело изнутри. Трава так и не выросла, не скрывает потемневшую с провалами почву. Поваленные деревья обуглились с комля, непопад топорщили обожженные корни, подчёркивая безжизненность пространства. Забитый дождем пожар так и не вышел на поверхность. Но еще долго дымились кочки, скрывая выжженные торфяные пещеры, готовые поглотить любого, кто осмелится шагнуть на опалённую землю.

Широко раскинутые глаза наполнились грустью. Стягивались непроизвольно вытянутые вразлёт брови, и морщинка на переносице выдавала нахлынувшее беспокойство. Застило взор, полонило разум тоскливым, безысходным. И тут же, за гарью, из плотно сбитого кустарника, раздалась грустная, плаксивые звуки. Занятый затаённой думой, человек недоуменно вскинулся в сторону младенческого нытья, не осмысливая, откуда мог взяться ребёнок. Постановления усиливались, удлинялись, звучали все пронзительней. На какое-то мгновение стихло, и тотчас заплакало, застонало, заголосило по-детски надрыно, с отчаянием близкой смерти. Безутешный плач накрыл человека, судорогой свело приоткрытый рот. Первобытный ужас заледенил душу. Всё замерло внутри. Человек боялся пошевелиться, ожидая, что сейчас выползет из-за бугра что-то неизвестное, жуткое и поглотит его. Крик сделался протяжным, перешёл в тонюсенькую нотку и захлебнулся. Тишина звоном наполнила уши. Человек безжизненно уронил руки, стоял потерянно, опустошённый, не понимая, какой зверь может издавать такие звуки.

Внутренняя дрожь охватила тело, валком прокатилась, выбивая гусиную кожу. Волной передёрнуло плечи, и он потянул их вверх, выравнивая спину. Беззащитно огляделся, словно помощи ждал. Потемневший взор скользнул по деревьям, потолкался по кронам и протиснулся в голубое заоблачье. Ветерок отнеснил прогорклое, смертное, что навевалось гнетущими звуками. И вместе с

• Окончание на 5-й стр.

• Окончание. Начало на 4-й стр.
голубиной, пролившейся сквозь ветви, просочился запах слежалой, не знавшей косы, травы. И вдруг человек опустился на колени, прижав седые былинки на бурой, с пропеллинами, земле. Поник головой и тут же вскинул, сдёрнув с головы кепку. Пошарил взглядом по испятнанной золотистой листвой зелени, не понимая, что делать. Но рука сама тянулась ко лбу: робко, неуверенно прикоснулась, и кожа в этом месте содрогнулась, напряглась в единой точке. Рука сползла вниз и застыла под солнечным сплетением, стягивая мышцы живота; затем подкинута вверх пошла, легла на правое плечо и махом, обессиленно уткнулась в левое плечо. Побелевшие губы не сразу выпустили слово. Подвигались, расплывая спёкшиеся уголки рта, просительно вытолкнули: «Господи...» Звук робко пристыл, но уже вновь произнесённое слово, ещё тихое, но более внятное, словно лодочка, толкнутая от берега, зависло поодаль. «Господи...». И отчаянно вырвалось: «Прошу Тебя, Господи! Помоги и прости! За все прости! Ну, прости Ты меня! Помилуй! Сохрани от чужеродного!..»

Человек, уже не прислушиваясь к себе, всё толкал и толкал слова, пока они сами не полились друг за другом, гуськом полетели над поляной, забираясь всё выше, подгоняемые страстным выдохом из груди. Притихший лес не мешал человеку. Пропускал молитву сквозь ветви, и возносилась она в ясное небо, не заглушая пофыркивание потревоженного ежа. Колкий комочек потоптался на месте и зашуршал раздвигаемой листвой, укрываясь в полегшей траве.

Призрачно поблескивал серебристый осинник. Толпились ёлочки за старыми, с задубевшей корой, прародителями. Старые деревья облаписто оседали, плотно жались ветвями к земле, укрывали под ними что-то таинственное, недосыгаемое. Казалось, подними тугие смолянистые сучья, с хрустом вырви из вцепившейся в них травы, и откроется жилище с потайными ходами обвитого мхом лесовика. И когда со страхом покроешь себя крестным знаменем, он лишь усмехнётся твоей наивности. Но не покуражится, а лишь обидчиво исчезнет, унеся с собой древний миф о забытых тобою пращурах.

Стражником высылся лес. Оберегал творившего молитву. Не раз он слышал слова, наполненные отчаянием и любовью, страхом и надеждой. И всегда стояли его дремучие дубравы неискаемым воинством, защитником рода людского, ищущего себе поддержку в необъятной дали, которая, не замечаяемая по недомыслию, гнездилась в самом человеке. Придёт время, и человек обратится к самому себе, вместилищу всего созданного и несозданного, конечного и бесконечного. И тогда всё будет вечным, а пока лес терпел, сколько его ни жгли, ни вырубали. Он не мешал молитве человека и вместе со всем сущим ждал его повзреления. Летели слова, а вслед за ними тянулся человек, молодым деревцем прямилась спина, выпрямлялась и душа, искорёженная болью.

Тенью накрылось солнце. Огромным крылом махнулось по небу. Что-то невидимое рассекло воздух и скрылось в вышине. Человек успел заметить крупную птицу, стремительно мелькнувшую за кронами деревьев, растворившуюся в низком дымном облаке. Размётанное ветром, оно слоилось по закрайкам, протягивая над лесом тонкие обрывистые нити. Откинув голову, человек застыл, глядя в уплывающие в сторону деревни змеистые волокна. Недавно расслабленное тело набирало упругость, исчезала растерянность, уступая место спокойной решительности. Поднимающееся солнце звало в дорогу, и человек, неловко оступившись, раздвинул кусты, прокладывая себе дорогу напрямки, туда, где исчезла большекрылая тень.

Тянулись перистые облака, кое-где сбиваясь в пушистые валки. Снежились под солнечным светом, радуя лёгкой прозрачностью, обещающей хорошую устойчивую погоду. Девушка не раз замирала, оглядывая плывущие на неё облака. Через бескрайнюю глущь стараясь мыслью объединиться с мужем. Ближе к обеду его образ всё настойчивей возникал перед ней. Она подхватывала дочь, стремясь выскочить со двора. Заходила за калитку и стояла, пока дочь не начинала бить пятками по животу, просясь на землю. Полуденное солнце пригрело деревню,

обсушило дорогу, и дочь, вырвавшись на волю, втыкала босые ноги в пыль, наблюдая за выюнчатыми всплесками. А мать, не замечая, как дочь приседала, прихватывала полные кулачки пыли и сыпала на себя, всё смотрела вдаль, надеясь увидеть мужа.

Дочь, подражая матери, цепко держалась за подол платья и также вглядывалась перед собой, вытягивая тонкую шейку. Платье вспарусинило, захлестнуло дочь, и она, уткнувшись в колени, засмеялась, заводила носом, вытирая слпнувшую грязь. Выжидание не сходило с лица матери. Придерживая голову дочери, она продолжала стоять, вдыхая тёплый, напитанный травяным настоем, воздух. Напротив высились церковные берёзы, прикрывали обвисшей листвою молодую поросль, которая вплотную подобралась к кирпичной стене, покрывая тенью не просохшую с ночи влагу. Храм защищал берёзы от ветра, и они вымахали, как корабельные сосны: мощные в обхвате, прямостоящие; дотягивались вечерней тенью до домов, расположенных на противоположной стороне улицы.

Ровный загар делал похожими мать с дочерью на церковные свечечки. Рядом с ними светились верхушки берёз, а над берёзами купол играл солнечными бликами, и всё это крылось небесным сводом, на котором бледнела в мареве чуть заметная звёздочка. Было в этом состоянии незримое равновесие, единой мерой измеренное. Всё имело свой рост, свою гармонию. Мир вмещал человека, а человек вмещал мир, и все равновесилось маленькой девочкой, с любопытством поглядывающей на едва заметную слезинку, копившуюся у матери в уголке глаза. Солнце освобождалось от расструсенных облачков, и все egyre разгоралась солнечная искорка на слезинке. Пламени две звезды: бесконечно малая и бесконечно большая, связанные вселенской глущью. И были они равновелики, ибо бесконечность измерялась человеком, и бесконечностью измерялся человек. Все имело начало и конец, и были они неразрывны, и недостижимы.

Все ниже спускалось солнце. Потревоженные ветром шумели осины. Воздушный вал пронёсся по верхушкам, вскинул листву и тут же, крутанувшись на месте, заглох. Монотонный, убаюкивающий шелест над головой успокаивал, и на время человек забылся. Останавливался на прогалинках, оглядывая мшистую землю, изредка наклонялся, набирал пригоршню спелой брусники. По бокам, впритык, сцепившись игольчатыми ветками, стоял молодой ельник. Низовые ветки обсохли, сыпали иголки на землю, повыше восково желтели, кое-где схваченные прозеленью, и только макушки обросли зеленью, матово переливались в дневном свете. Впереди забелели берёзы. Куделисто закурчавились верхушки. Белоствольное пространство заставило широко распахнуть глаза, наполнило светом. От солнечного сияния затуманился взор. Не заметил, как уперся в завал. Среди молодой дубравы в навал лежали тоненькие деревца, ободранные, без листвы, похожие на кучу хвороста. Кто-то рубил безжалостно, с одного удара. Не утруждал себя наклониться, и тонкие пеньки гвоздисто протыкали землю.

Закаменел человек. Стоит, ног не чувствует, вместо спины древесный столб, лицо, как взгляд, твердеет. Еще немного, и кожа задубеет, мхом покроется. Зло смотрит. Любого, кто с топором в лес войдет, пути лишит, блуждать заставит. Голубизна в глазах пепельной сделалась. Сам он корневищем врос в землю, и потекли через него подземные соки. Пошевелил плечами, налитую силу почувствовал. Из земли пришла вместе с соками. С трудом шагнул. Словно шар земной за собой потянул.

Полыхнуло рябиновым огнём. От неожиданности человек отшатнулся от многочисленных рябин, осыпанных сочными гроздьями. Деревья стояли плотно, некоторые переплелись с рожденьем, горели широкой завесой. Человек не сразу оторвал взгляд от алевших деревьев, пока в глубине леса, за дальними кронами, не произошло движение: то ли ветер вздохнул листву, то ли крупная птица снялась в поднебесье. Он был не один, всё живое теснилось вокруг него: и птица, и зверь, и трава, и деревья; и даже земля, на которой он стоял, была частью его тела. Лесные запахи расслоились, из единого клубка десятками ароматов наполнили

воздух, заставили затрепетать расширенные ноздри. Человек по-звериному заповодил головой, различая каждый отдельный дух цветов, деревьев и дальний, кислотоватый, хищный, исходящий от затаившегося в глухом углу одинокого волка. Забилась тонкая жилка на виске в такт взволновавшегося сердца. Угрюмость покрыла лицо. В этот момент человек ощутил в себе что-то древнее, неизбывное. Он подчинялся неизжитым законам предков, которые не отменяли нового, но лишь дополняли, делая новое более жизнеспособным, сохраняющим память о прародине, в которой зарождалось начало человеческого рода.

Плотно стоял человек на земле. Даже взгляд по-иному вспыхивал из-под бровей, с прищуром точил лесные заросли, протыкаясь в глубинный массив. Поляна сузилась, растолкала теснившиеся кусты, заваливаясь в сторону, скатилась в овражек, и уже снизу засветлела седыми метёлками пожухлой травы. Он не стал спускаться, пошёл по гребню овражка, усыпанного земляничником, с кое-где видневшейся, сохнувшей ягодой. Облака уплотнились и всё чаще скрывали солнце. Потемневшие бока оттеняли пуховую белизну, выстилались под ней поддоном, осторожно неся легкие завитки по голубому простору.

Всё спокойной становилось на сердце девушки. Чувствовала приближение мужа-защитника. Скоро будут они неразлучные, и все страхи земные забудутся, все беды стороной пройдут, всё чужое отринется. Прежде, чем нарушить послеобеденный сон дочери, долго стояла перед окном, смотрела вдаль, ни на чем не задерживая взгляд. Очнувшись, повела головой, приподнимая подбородок, словно точку поставила в ожидании. Собрала волосы на затылке, но тут же тряхнула головой, разбросала по плечам и снова, уже более старательно, уложила мягкие, слегка выхоленные волосы. В глазах блеснуло спокойствие, разлилось по телу. Движения стали плавными и быстрыми. По щекам медленно разливался лёгкий ровный румянец. Взяв дочь на руки, она вышла из дома. Пошла неторопко мимо церкви. Она всё выше поднималась на горушку. Её утончённая фигура, как лозинка озёрная, покачивалась на лазурном фоне. И вскоре застыла, только платье слегка парусинило встречным освежающим ветром.

Этот вольный, верховой ветер в лесу не ощущался. Только шум листвы напоминал о бесшабашной игре потока воздуха. Иногда, на открытом пространстве, порывы ветра подталкивали в спину, и человек ускорял шаг, размахисто взмахивал руками, помогая ходьбе.

В стороне, на невидимой для глаза опушке, с надломленным верхом высится сосна. Тронутая временем и гнилью, поскрипывает на ветру. В ураганный ветер корёжится и стонет, но держится; никому не нужна, сыплет редкие иголки и каждую весну высасывает из последних сил еще сохраняющимися, отмирающими корнями живительные соки, гонит к вершине, пытаясь оживить немощное тело.

Со стороны деревни, едва взмахивая крыльями, скользит над лесом орлиная тень. Птица бесшумно спланировала на одинокую сосну, растопорчила перья, удерживая равновесие, и медленно развернула голову в направлении идущего человека. Взгляд пристыл, угрюмый и равнодушный. В зрачках заплескался алый отсвет выворачивающегося к деревне тускнеющего солнца.

Пологий склон вывел на песчаные земли. От быстрого шага человек отхватывал ртом воздух, и всё более ускоряя шаг, поднимался по песчаному увалу, поросшему кудлатым лишайником. Тонкоствольные сосны стрелами возносились, зеленили верхушками небо. А внизу податливо пружинил седой лишайник, до самого верха беленил косогор, поигрывая на солнце голубым отливом.

Чувствуя скорый просвет, лицо человека еще более напряглось. Едва заметно обозначились скулы, и стали усыхать мелкие капельки пота на висках. От напряжения охолодело лицо, словно окаменело. Ровно стучало сердце, и каждый удар гулом в голове разносился. Как клепалом каменным по темечку били. Заметались звуки исполохам. То ли изнутри, то ли с воли звон идет. Гудит, скорбит колокольный бой: начнёт затихать, а на последнем дыхании новый удар — набатно бьёт не-

видимый звонарь. Звук густой, чистый... И открылось небо, скинуло завесу. Поилась мелодия певучая, словно все певчие птицы в поднебесье запели; ответно лес взволновался, листву в стороны разметал, зашумел радостно. Идёт человек, ног не чувствует. Всё пространство в себя впитал, весь мир объял, душа, как птица, в небо взметнулась. Всё вокруг исчезло, только время бежит, горным потоком несётся, смывает всё, что зарождается. Каждую секунду новое, ничего не повторяется. Летят века, вспять не повернутся.

Растворился человек во времени, разом видит: и близкое, и далекое. А на небе солнце стоит, красоту небесную лучами рассеивает, с красотой земною смешивает. А под солнцем, далеко внизу, деревня в горушке впечаталась. Выгнулась горбом, греется. В центре деревни церковь белеет, высь возносится. Все строения за собой приподнимает, красоту земную с небесной соединяет. Чистотой веет и вечностью.

Горушки со всех сторон лесом обжимаются. На север грядой зелёное море уходит, на юг низогорьем зыбится, речками полосует. Вольно ветру, волноном по верхушкам деревьев носится. Травы к земле клонит, стебли путает. Меж стволов поторкается и снова высь, к солнышку.

Между небом и землёй орёл летит. Как взмахнёт крылом, на версту вздымается. С каждым махом к солнцу приближается. Сам всё больше становится. Вот-вот солнце собою заслонит. Одним крылом к востоку тянется, другим — к западу. Глаза стовзоровые, как стожары огненные, в земли полуденные упираются, хвостом земли полуденные укрываются.

Летит орёл по следу времени, ищет прошлое, позабытое. То, что ушло назад, вперед ведёт. Видит Русь великую, древнюю, временем не утраченную. Тень от него на Русколань падает, от беспамятства сокрывает, для будущих потомков охраняет. Дрожит оперенье от соприкосновения к миру нездешнему, волнуется. И той дрожью покоя утверждает, равновесит мир.

Обронил орёл перо пуховое, кувырнулось оно в лучах солнечных, закружило над лесами, озёрами. Всё выше орёл поднимается, в синеве поднебесной ретекается. А за синью солнечной синь тёмная в звёздную чернь опрокидывается, огненным вихрем закручивается, ветром космоса расплывается. И от того движения гармония создается, музыка сфер к земле возвращается. Природа звучанием полнится. Смешиваются звуки земные с небесными. Соединились миры неслиянные, и стало всё нераздельное.

Обвеселился мир. Кружится земля, кружатся вселенные, — всё нанизано на свою ось. Идёт коловращение, а в центре вращения девушка с дочерью. Сердцем слышит шаги своего защитника. Высматривает лесную опушку. Пологий склон горы утыкается в далеко, на обе стороны, раскинутый лес. Дорога плохо просматривается — огорожей трава висится. Девушке сверху далеко видно. Возвышается над лесом, а глаза счастливые, белым светом полнятся. Уходящее солнце пол лица румянит. Стоит розоволицая, смыкая земное с пре-небесным, смирение на лице. Брызнула слезинка, пропала в загустевшей траве, мешаясь с вечерней росью. Не горевало, просто плакалось от всеобъемлющей любви, пронизывающей прохладный воздух, истекающей из безмирной бесконечности.

Шорохнулась трава, и тот шорох грома показалося. Подалась вперёд, всматриваясь в лесной урез, и куда смотрела, там шевельнулись кусты, раскинулись. Застучало в голове, и накрыло её гулким, удаляющимся шорохом огромных крыльев. Что-то оторвалось от земли, уносились в западнее, расталкивая тесноту космоса. И тут же наступила олушительная тишина.

Человек сразу увидел любимую. Шёл снизу и не мог глаз оторвать от до боли знакомой фигуры, что так часто видел во сне. Кончилось время разлуки. Ускоряет шаг, идёт — торопится. Тянутся навстречу друг к другу. Так огромные вселенные движутся в космосе, не в силах изменить галактическое притяжение масс.

А дочь к груди матери прижалась, наблюдает, как сверху летит, кувыркается птичье пёрышко лучесветное, сверкает переливчато. Прямо в руки опускается. Щекотно и радостно.

На сегодняшний день о судьбе Василия Макаровича Шукшина сказано и написано многое. Только по-прежнему остается тайной загадка его преждевременного ухода из жизни. Все чаще говорят о насильственной кончине Шукшина, об этом прямо заявляла на страницах печати и вдова писателя. Но дальше разговоров дело не двинулось. Сегодня же особенно важно хотя бы немного приблизиться к этому невидимому порогу последних дней жизни человека, который, — и это очевидно уже для многих, — как никто из современников выразил наш национальный характер.

Опубликованные материалы и воспоминания его друзей и близко знакомых при пристальном их изучении заново открывают уже известные факты, выстраивающиеся в поразительно-цельную картину происшедшего.

«Последние месяцы Макарыч был больше обычного возбужден и очень напуган, — пишет в своей книге «Шукшин в кадре и за кадром» Анатолий Дмитриевич Заболоцкий — его друг и единомышленник, оператор-постановщик фильмов «Печки-лапочки» и «Калина красная», — человек, которому Шукшин доверял больше всех. Далее он объясняет причину испуга писателя. Дело в том, что в это время Шукшину уделял пристальное внимание один композитор, снабжая его разной информацией, в числе прочего он принес и книгу — тоненькую, напечатанную с «ятами» Нилусом в начале века, «Протоколы сионских мудрецов».

«Макарыч прочитал эти протоколы, и, улета на последнюю до съемку в студию Клетскую (где снимался фильм С. Бондарчука «Они сражались за Родину» — А. Д.), намереваясь вернуться через неделю, — пишет А. Заболоцкий, — оставил их мне с условием — читать и помалкивать. Вечером, уйдя от него, я начал читать и не бросил, пока не дочел до конца. На следующий день Макарыч улелет во второй половине дня, мы еще перезвонились, он спросил: «Ну как тебе сказочка? Мурашки по спине забегали? Жизненная сказочка — правдивая. Наполовину осуществленная». Макарыч улелет, а вернулся в цинковом гробу» (с. 140–141).

Тот же А. Д. Заболоцкий сообщает: «Еще помню четко, когда несли гроб уже после прощального митинга на кладбище к месту захоронения, сбоку, через нагромождения могил, пробираясь рысцой испуганный директор студии имени Горького Григорий Бритиков. Он походил на возбужденного школьника, совершившего шалость. И мне вдруг вспомнились слова Макарыча на кухне: «Ну, мне конец, я расшифровался Григорию. Я ему о геноциде против России все свои думы выговорил» (с. 139).

А до этого страшного события в квартире Заболоцкого, куда он недавно перебрался, и его адреса никто еще, кроме близких друзей, не знал, раздался звонок. «...Я подлетел к телефону и услышал: «Умер Шукшин». Говорю: «Шутите вы очень зло». Голос повторил уверенно, с каким-то внутренним напором, близким к торжеству: «Нет. Его больше не существует». Я спрашиваю: «Кто говорит?» Он называется — Милькис — директор...»

Подобные факты далеки от какой-либо подтасовки, тем более что целенаправленная травля В. М. Шукшина продолжалась и на Дону, на съемках фильма.

«Когда он был на съемках в Клетской и заговаривал о Есенине, Михаиле Воронцове, Победоносцеве, Столыпине, Лескове, об угнетении русских, то его клеймили националистом, славянофилом, антисемитом. «Только космополитом ни разу не окрестили», — успокаивал себя Шукшин (А. З. с. 184).

«Кто только не поносил его в любом застолье в Москве! А венцом подобных нападок была появившаяся вскоре после смерти Шукшина за подписью Фридриха Горенштейна (одного из соавторов Андрея Тарковского, который был сокурсником Василия Макаровича) публикация «Алтайский воспитанник московской интеллигенции» («Вместо некролога»).

Настроения, выраженные в этом пасквиле «Вместо некролога», сопровождали последние годы Шукшина, а перед смертью, можно смело утверждать, захлестывали» (А. З. с. 184).

Как правило, в подобных делах, направленных на сознательную, планомерную травлю человека, может быть закономерным и страшным финал. Что же могло послужить поводом для окончательной расправы над Шукшиным? Вывод напрашивается сам. На корабле, во время съемок фильма, В. М. Шукшин работал — дораба-

тывал свою пьесу-сказку «Ванька, смотри!» (После его смерти она появилась в журнале «Наш современник» под другим названием — «До третьих петухов») (А. З. с. 180).

За внешней увлекательно-сказочной фавбулой автором четко проводилась мысль о русском характере и вымирании народа, а также о возможных путях нашего объединения.

Кстати, об этом, по воспоминаниям актера Г. Буркова, пытался поговорить В. М. Шукшин и в Вешенской на встрече у М. А. Шолохова: «...много говорим о русском характере, а народ вымирает, пора искать пути русского единства». Слово в пустоту упало». (А. З. с. 181). Окружение, в то время там бывшее, не восприняло этого, хотя, разумеется, сам Шолохов всё понял как надо. Но — не для той компании были слезы Шукшина. «С тостом я там вылетел не застольным о гибели русской», — рас-

«Перед самым началом съемок фильма «Они сражались за Родину» Макарыч лежал в клинической больнице в Кунцеве... Лечащие врачи опекали его. Это были два приветливых специалиста. Демонстрируя кардиограммы Макарыча, говорили как раз (при мне это было): «Сердце у тебя — слава Богу...» (А. З. с. 141).

Из всего этого вытекает один-единственный вывод: у Шукшина в самом деле явно что-то искали в рукописях, кто-то в них старательно копался. Не пьесу ли о гибели русской «Ванька, смотри!»?.. Ведь именно над ней и работал как раз В. М. Шукшин. «Писал он с жаром, несмотря на занятость и перерывы из-за поездов» (А. З. с. 180).

А этот кто-то — эта нечисть — будучи уверенным, что никого не окажется здесь в это время, спокойно делал свое дело, когда, вероятно, и появился неожиданно в каюте

К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. М. ШУКШИНА

«...ПРОРВАТЬСЯ В БУДУЩУЮ РОССИЮ»

(Тайна гибели В. М. Шукшина)

сказывал об этом событии Заболоцкому Шукшин (с. 181).

Мысли писателя — суть его дел. Коль «расшифровался» Василий Макарович здесь, прилюдно, с ходу, — нет сомнения, что все его мысли и думы наболевшие находят или уже нашли свое место в рукописи, над которой писатель в это время и работал. Да и название пьесы-сказки «Ванька, смотри!» — само за себя красноречиво говорит.

Так вышло, что актер Г. Бурков был как будто последним, кто видел в живых Шукшина и рассказал А. Заболоцкому об их последней встрече так: «В каюте кофе попили. Поговорили, поздно разошлись. В 4–5 часов утра еще совсем темно было, мне что-то не спалось, я вышел в коридор, там Макарыч стоит, держится за сердце. Спрашиваю: «Что с тобой?» «Да вот режет сердце, валидол уж не помогает. Режет и режет. У тебя такого не бывало? Нет у тебя чего покрепче валидола?» Стал я искать, фельдшерницы нет на месте, в город уезжала. Ну, побегал, нашли у кого-то капли Зеленина. Он налил их без меры, слотнул, воды выпил и ушел, и затих. Утром на последнюю до съемку ждуг. Нет и нет, уже одиннадцать часов — в 12-м зашла к нему, а он на спине лежит, не шевелится» (А. З. с. 140).

Этот рассказ Г. Буркова полностью противоречит интервью актера Панкратова-Черного, опубликованному в «АиФ». Тот же Бурков поведал своему другу Панкратову-Черному совершенно иное: «Жора Бурков говорит мне, что он не верит в то, что Шукшин умер своей смертью. Василий Макарович и Жора в эту ночь стояли на палубе, разговаривали, и так получилось, что после этого разговора Шукшин прожил всего пятнадцать минут. Василий Макарович ушел к себе в каюту веселым, жизнерадостным, сказал Буркову: «Ну тебя, Жорка, к черту! Пойду, напишу».

Потом Бурков рассказывал, что в каюте чувствовался запах корицы — запах, который бывает, когда пускают особый «инфарктный» газ. Шукшин не кричал, а его рукописи — когда его не стало — были разбросаны по каюте. Причем было уже прохладно, и, вернувшись в каюту, ему надо было снять шинель, галифе, сапоги, гимнастерку...

Василия Макаровича нашли в нижнем белье, в кальсонах солдатских, он лежал на кровати, только ноги на полу. Но почему рукописи разбросаны? Сквозняка не могло быть, окна были задрены. Жора говорил, что Шукшин был очень аккуратным человеком. Да и Лидия Николаевна Федосеева-Шукшина рассказывала о том, что когда они жили в однокомнатной квартире, было двое детей, теснота, поэтому все было распределено по своим местам — машинка печатная, рукописи и так далее. Разбросанные по полу каюты рукописи — не в стиле Шукшина, не в его привычках: кто-то копался, что-то искали. Такими были подозрения Буркова. Но Жора побаивался при жизни об этом говорить, поделился об этом со мной как с другом и сказал: «Саня, если я умру, тогда можешь сказать об этом, но не раньше».

Скорее всего, что второй рассказ Буркова своему другу был более откровенным, правдивым. Тем более что диагноз «сердечная недостаточность» не соответствует истине.

Василий Макарович Шукшин. Будучи застигнутым на месте преступления, убийца (или убийцы?) вынужден был пойти на смертоубийство, пустив этот, по словам Г. Буркова, особый «инфарктный» газ. Всё это и могло произойти в течение пятнадцати минут, о которых упоминал актер. Но кто расскажет теперь всю правду?..

Тогда для чего же нужны были эти рукописи, что пришлось идти на такой страшный шаг? И где они теперь, если вообще еще существуют? Ведь по словам С. В. Викулова («НС» № 10, 1999): «К сожалению, в описи о рукописных материалах ни слова...»

Может быть, ответом этому в какой-то степени послужит тот факт, что на девятый день после гибели В. М. Шукшина из его квартиры (так мне лично рассказывал писатель Г. А. Горышин в 1985 году в Ленинграде, приходивший на девятый день в квартиру), — так вот, к этому времени каким-то образом исчезли и из жилища Шукшина все рукописи.

И лишь спустя несколько лет в журнале «Дружба народов» появился роман-продолжение В. М. Шукшина «Любавины». До этого времени все мало-мальски интересное из творческого наследия писателя было уже давно опубликовано. А этот большой, объемный роман, вторую часть всероссийски известных «Любавиных», где повествуется о судьбах современного русского крестьянства, отчего-то «задержали» на несколько лет. В предисловии к изданию Л. Аннинский сообщал, что титульная страница текста оказалась от другой рукописи. Наивнее объяснения не придумать. Но главное, конечно, в другом.

В связи с этим возникают закономерные сомнения: а все ли идеологические акценты романа принадлежат авторству самого В. М. Шукшина? Иначе трудно найти нормальное объяснение с историей романа «Любавины». Ведь далеко не исключено, что те, кто копался в таинственно исчезнувших рукописях Шукшина в каюте, преследовали именно подобные цели. Потому и сейчас не покидают мысли: окончательный ли, авторский вариант пьесы «Ванька, смотри!» публикуется в настоящее время? К сожалению, на этот вопрос вряд ли кто сегодня ответит...

Кстати, судьба возможной постановки этой пьесы и тех людей, кто хоть как-то был с ней связан, — тому некоторое подтверждение. Известно, что первые ее варианты читал еще Товстоногов и изыскивал желание поставить в своем театре, но после гибели в дорожной катастрофе не смог осуществить свою идею.

В. М. Шукшин хотел, чтобы ее поставил Г. Бурков: «Пусть поставит Жоржик «Ванька, смотри!» Посмотрим...». Дело в том, что Бурков был главным претендентом на одну из центральных ролей в будущем шукшинском фильме «Я пришел дать вам волю» — на роль Матвея. Вот Шукшин и хотел проверить, на что годен «главный идеолог крестьянства Матвей», коль он поставит эту пьесу: «Вот Жора на два фронта жить давно научен. И нашим. И вашим. Бывает, еле сдерживаюсь, — говорил сам Шукшин, — Лешу Ваня в упор не видит, тот ему не пригодится никогда, а с Юрой Никулиным, Сергеем Федоровичем (Бондарчуком — А. Д.), — ух, как преклонен... и

находчив... Артистизм его нутро скрывает, но сколько веревочка не вейся...» (А. З. с. 181).

Об этом — уже открыто — говорил в своем выступлении и сам Анатолий Дмитриевич Заболоцкий 23 июля 1989 года на Шукшинских чтениях.

«Организовал фонд имени Шукшина Георгий Бурков. Он тут присутствует. И мне хотелось бы ему напомнить, что за несколько месяцев до смерти Шукшин написал пьесу, которую — как он сам говорил — задумал с тем, чтобы поставил ее Георгий Бурков. Она была напечатана посмертно в журнале «Наш современник» под названием «До третьих петухов». Первичное ее, авторское название было — «Ванька, смотри!» Василий Макарович говорил: «Когда Бурков поставит пьесу хотя бы на любительской сцене, он проявится как гражданин, расшифрует себя, свою гражданскую позицию. И ставит ее не дам никому, кроме Георгия». Однако минуло уже 15 лет после смерти автора, а Георгий еще не поставил пьесу. Думаю, поставь он ее — вот и был бы самый настоящий фонд Шукшина, который организовал бы Георгий Бурков».

Неизвестно, поставил бы эту пьесу на самом деле Бурков: кажется, что-то его от этого шага крепко удерживало, но только и его жизнь оборвалась преждевременно. В одном из своих интервью режиссер Э. Рязанов рассказывал, что Бурков случайно сломал ногу. Ему благополучно сделали операцию, состояние было хорошее, и ему должны были сразу послать сценарий нового рязановского фильма «Небеса обетованные», где Буркову предназначалась главная роль. Но он неожиданно скончался. Жуткие, необъяснимые случайности... Между прочим, поразителен и тот факт, что пьеса-сказка «Ванька, смотри!» до сих пор публикуется не под своим названием. Раньше это было сделано из соображений цензуры, теперь же непонятно: кто или что мешает дать пьесе при ее переизданиях авторское название? Отчего всё это?

И почему так получается, что судьба этой пьесы-предупреждения, пьесы-предсказания до сих пор является как бы тайной за семью печатями?..

Василий Макарович Шукшин, вероятно, единственный из своих современников не просто увидел опасность дня сегодняшнего, — он, думается, наметил в этой пьесе и пути выхода из того колоссального тупика, в который уже заходила, а теперь, как известно, и зашла окончательно Россия.

Работая над дорогим ему образом Степана Разина, Шукшин в своем постижении России видел через образ этого великого бунтаря и саму душу русского мужика, — таким образом, постигая суть такого понятия, как крестьянство — той, единственной верной силы, способной не только по-настоящему противостоять черной напасти, но и вывести русского человека на столбовую дорожку православной жизни.

И пьеса «Ванька, смотри!», где центральное место принадлежит обобщенному образу русского человека, — как раз и воплощала задуманное в современных, наших, так сказать, условиях существования. В эту пьесу автор вложил все свои думы сердечные, всю боль за родное отечество. Ведь недаром в его дневнике прорывается: «Разлад на Руси, большой разлад. Сердцем чувю».

Конечно, по большому счету, дело здесь не столько в пьесе. Понятнее выражаясь, в лице Василия Макаровича Шукшина наш народ, того еще не ведая, в ближайшем будущем приобрел бы крепкого За-ст-у-п-н-и-ка. То есть человека, способного конкретно влиять на наше духовное возрождение в грозном XXI веке.

«Важно прорваться в будущую Россию», — сказано в одной из рабочих записей В. М. Шукшина. И это произнесено с полным осознанием собственных сил и возможностей человеком, который является непостижимым явлением нашей современности: крупнейшим, выдающимся режиссером, актером, сценаристом, драматургом и, наконец, непревзойденным, большим писателем. Воистину, современное искусство еще не знало такого неповторимого сочетания.

Тот, кто совершил злодеяние, ответит перед Богом. А в душе русского человека Василий Макарович Шукшин останется уже навечно, потому что память народная исторически разборчива и безошибочна.

Александр ЦЫГАНОВ

НАШИ ЛАУРЕАТЫ

Нина Васильевна Груздева стала обладателем первого места в номинации «поэзия» Международной премии «Филантроп» за книгу «Душа».

Эта награда присуждается людям с ограниченными возможностями здоровья за выдающиеся достижения в области культуры и искусства.

...Вот что писал **Владимир Кудрявцев** в очерке «Я так писала, как душа велела...»: «Прав литературный критик Виктор Баранов, написав в предисловии к книге «Часы песочные»: «Нина Груздева не могла писать по-иному, невозможно было обуздать вольный дух поэзии в его высшей гармонии...»

Она не могла не писать стихи, как будто заранее зная, что только их, как «небольшое наследство», она в будущем и оставит людям. Стихи, которые она никогда «не выдумывала», а строки к ним ночами бессонными не вымучивала. Строки ей «кто-то ночами диктовал» и мучитель-

Пишет, как велит душа...

но желанные строчки «ложились сами». Стихи свои она писала и пишет так, «как душа велит». Стихи, в которых она смогла «любовь и слезы сплавить в слова», слыша не только свою «песню где-то в вышине», но и угадывая «мелодию» к ней.

Стихи её потому истинны и пронзительны, что приходят к ней нечаянно, «приходят, как любовь, что кажется всегда последней». Она чувствует, как через строки, надиктованные свыше, струятся вниз на Землю солнечные токи, а земные поднимаются в небо. «Токи», которые и читателей «растревожат, обожгут и уведут от всех болезней».

Её величеству Поэзии только и хотела Нина Груздева на «чистую страницу» «поведать всю горечь дней своих и мук».

У неё в литинституте складывалось всё так счастливо и удачно, что никто бы и подумать не мог, что она, имея «в кармане и прописку, и работу на выбор», когда её «стихи хорошо печатались в журналах, а журналы заказывали переводы стихов», когда на её стихи звучали песни, написанные популярными композиторами, вдруг оставит Москву, уедет на родину и на долгие годы замолчит...

...Нет, у Нины Груздевой иной судьбы быть не могло, и весь драматизм её — судьбы поэта — был предопределен свыше. Я, признать, и не знал, что она, ярко заявив о

себе еще в юности, потом вдруг на долгие годы замолчала, чтобы однажды уже на краешке жизненной зари пропеть свою лебединую песню. А не пропеть её она опять же не могла, потому что на то была не её воля...

Тема Любви стала для неё стержневой. «Стихи, написанные ею на эту тему, являются собой как бы повесть-исповедь о любви — об одной-единственной, ушедшей, но не проходящей...» (Борис Шишаев).

Любовь — это её Судьба и состояние души.

Наверно, не было бы и пронзительных её стихов, если бы любовь, «оставшаяся в прошлом», время от времени «не отзывалась впереди». Если бы в памяти не осталось его светлое имя, которое она в минуты радости и горя «шепчет, как заклинанье», потому что

*«Оно сильнее, значимей, выше
Всех наших встреч и нас с тобой».*

Вот такая она — неукротимая любовь необыкновенной женщины! От неё не отмахнешься и не спрячешься.

*«Я водой заливала,
Засыпала песком,
А она расцветала
Самым ярким цветком!»*

*Я ногами топтала,
Я косила косой,*

*А она выступала
Чистой-чистой росой!*

*Я косила — шептала:
«Не моя! Не моя!»
А она мне сказала:
«Нет, бессмертная я!».*

*Не нужны мне хоромы,
Не нужны терема.
А меня похоронишь —
Станешь мертвой сама!*

*Не топни меня в речке,
Не старайся зарыть,
А заноем сердечко —
Не старайся забыть!»*

*Так любовь мне сказала...
...Занимался восток.
Я золой засыпала
Самый яркий цветок...»*

Непростая судьба выпала на долю Нины Груздевой. Непростая потому, что это судьба поэта. У поэтической судьбы свое изменение времени и любви. У неё свой крест и своя неторенная дорога.

Если спросить у Нины Груздевой: «Счастлива ли она?», то, она, наверно, не задумываясь, ответит: «Да, я счастлива!...» Счастлива потому, что: «Пусто человеку в этом свете, Если сердце глухо для любви...»

Нину Груздеву любовь поддерживает и сегодня, освящая каждый новый день, отпущенный ей Богом...

Дмитрий ЕРМАКОВ

Нина ГРУЗДЕВА

Стихи из сборника «ДУША»

ДУША

Везде душа моя витает:
Что ждёт, что любит, чем горит...
Она и в сумерках не тает,
И днями с вами говорит.

Она повсюду с вами будет:
В любви, на отдыхе, в трудах,
И вы её найдёте, люди,
В моих стихах.

СПАСИБО!

Разреши мне влюбиться в тебя —
Я хочу напоследок влюбиться.
Ни тебя, ни себя не губя,
Я смогу и уйти, и проститься.

Ах, как сладко с тобою молчать
И ловить эти теплые волны,

Мою легкую лодку качать
И дышать глубоко и привольно.

И хотя недалеко берег твой,
Я не стану искать к нему тропку.
Ты мне в душу плесни синевой —
Заночую я в облаке легком.

А наутро на землю слечу
Так свободно, легко и счастливо.
Дорогой, я молчу, я молчу.
И за это молчанье — спасибо!

ГЛАЗА ЛЮБИМЫЕ

Глаза любимые
Сверкают плесами,
И отражается
В них небо осени.

Глаза любимые —
Глаза далекие,
А мне все кажется:
Вы где-то около.

Без вас и шагу я
Одна не сделаю,
Меня ведете вы
Дорогой смелою.

А потеряю вас —
Я стану вдруг слепа,
Не знаю, где идти,
Не знаю, где тропа.

И перед мукою
Я с вами выстою,
Я с вами сильная,
Я с вами чистая.

Вы улыбаетесь —
Мне тоже радостно,
А вы печалитесь —
Мне тоже тягостно.

Глаза любимые —
Глаза далекие,
А мне все кажется:
Вы где-то около.

ТВОЕ ИМЯ

Когда уходит в сон сознание,
Когда печаль не по плечу,
Я в темноте, как заклинание,
Вдруг имя тихое шепчу.

Оно звучит, как прежде, свято,
В нем много веры, много сил.
Вот так же предок мой когда-то
Вдруг «Господи!» произносил.

И, забывая все былое,
Тебя и всех твоих друзей,
Одно магическое слово
Храню я в памяти моей.

Оно во мне живет и дышит,
Как будто талисман живой.
Оно сильнее, значимей, выше
Всех наших встреч и нас с тобой.

ПУБЛИЦИСТИКА. XXI ВЕК

• Окончание. Начало на 3-й стр.

без всякой эволюции существующая миллионы лет, оказалась не в состоянии противостоять клещу, ибо заражение происходит еще до рождения пчелиной детки. Самка клеща всегда опережает пчелиную матку на две-три ячейки вперед, точно угадывая, куда она отложит очередное яйцо, и успевает откладывать свое. Личинка пчелы рождается уже в порочном соседстве с личинкой клеща, вместе питается, развивается, вырастает, окукливается, и молодая пчела выходит из ячейки, принимая паразита за часть своего существа. Когда заражение становится критическим, клещ начинает высасывать соки своей соседки еще в запечатанной ячейке, и пчела тогда рождается слепой и бескрылой. Она же обычно золотистая, а тут появляется черной, словно из нее еще до рождения свет выпили.

Но в «инкубационный» период заболевания клещ просто живет на пчеле, даже совершает путешествие, летает с ней на сбор нектара и ждет зимы. Летом же паразиты насмерть забирают только трутней, поскольку их в семье всегда перепроизводство, поэтому самка клеща откладывает яйца больше в трутневые ячейки. И только под осень начинает активно заражать пчелиный расплод — будущее потомство, которому суждено пережить зиму. То есть клещ отлично разбирается в мироустройстве семьи, знает табели о рангах: например, вообще никогда не трогает матку, сеющую новое потомство «будущего корма». Зато за зиму клещ медленно выпивает жизнь из пчелы, растягивая удовольствие до весны, и если она не погибает, то выходит немощной, сил хватает долететь до первого цветка.

Там паразит отцепляется и ждет, когда на тот же цветок прилетит другая, здоровая, пчела...

Поначалу пасечники пытались бороться с клещом самыми разными способами:

Сергей АЛЕКСЕЕВ

ЗАСАДНЫЙ ПОЛК

окуривали дымом ядовитых растений, химикатов, даже засыпали хлоркой и дустом, но в результате только губили пчел, а клещ выживал. Тогда начался революционный период, кардинально и круто изменяющий ситуацию, — повальное сжигание зараженных пчел, и повсюду запылали костры. Палили вместе с ульями, инвентарем и ошаниками, снимали грунт на местах расположения, заводили новые, чистые семьи, а они вскоре опять заболели. Ученые изобрели средства борьбы с варроатозом, в основном химические, ароматические смеси, аэрозоли, пищевые добавки; клещ отчасти осыпался, но полностью вылечить болезнь оказалось невозможно, и вспышки ее повторялись.

Но вот что было замечено: если вывезти зараженную пчелу подальше от других, где нет контакта пчел и мест общего пользования — цветов, то семьи мало-помалу сами избавлялись от паразитов и к середине лета выздоравливали полностью. Новые потомства пчел рождались уже без «пассажира» — нахлебников, зрячие и крылатые. Как им удается сбрасывать с себя клещей, до сей поры не совсем ясно, есть предположения, что пчелы (язык не поворачивается называть их насекомыми!) научились снимать их друг с друга. По другой версии, пчелы-чистильщики, что готовят ячейки для маточного засева, разгадали «политтехнологии» варроатоза и теперь идут вплотную к матке, не позволяя самке клеща откладывать свои яйца. А если успела отложить — выбрасывают.

Так или нет, не знаю, но из моих лич-

ных наблюдений вынес несколько явных, неоспоримых фактов: пчелы чистят друг друга, особенно «мертвые» зоны, которые сама пчела достать не может. Но более потрясло то, как они помогают друг другу встать на лапки, если, вылетая из летка, пчела случайно перевернулась на спину. Они подают руку упавшему — опять же язык не поворачивается сказать лапку...

Вот бы взять да вывезти наш улей на необитаемый остров! Да только нет на планете, емлющей огонь, таких островов, и слишком уж много на нашей земле могил предков, кости коих еще продолжают излучать и питать нас энергией, — всех не выкопать и не увезти с собой. Остается одно — чистить друг друга, снимать клещей, обезвреживать будущее потомство, следуя на шаг впереди матки, и подавать руку, если кто-то споткнулся.

И не собирать мед на чужих цветах. Тем более если нектар из них давно кем-то выпит, а вместо него залит химреактив в виде пищевой добавки...

Улей наш не перевезти. Но вот столицу — вполне возможно в самое ближайшее время. Пока существующая власть не устремилась на юг от Москвы и не начала стройку «московской грыжи». Не следует разрушать солянный символ искусственным протуберанцем, ни к чему доброму это не приведет, и времени существования столицы не продлит. Если бы власть имела образ, то давно бы уже осознала, что период «московского государства» пройден вкупе с советским периодом. Надо не реформировать, а переформатировать

возбужденное пространство, в первую очередь перенести столицу, даже не на реку Ра — на Урал, и тогда сбудется пророчество Ломоносова: государство российское прирастет Сибирью.

Не стану рассказывать, как бы ожили азиатская часть малозаселенной России, как бы хлынули на заснеженные просторы финансовые потоки, производительные силы и как бы «обрадовались» этому китайцы, — все это понятно без перевода и лишних слов.

Надо избавиться от варроатоза прежних элит, который поразил обе существующие столицы государства. Петр был похлеще нынешних реформаторов, он одним взмахом топора голову отрубал стрельцу, однако не сумел сладить с боярской элитой и ушел на болотистый берег Невы, будто бы рубить окно в Европу. Долгие версты русских просторов спасают нас не только от внешних врагов; у клеща сосущий хоботок длинный, да ноги коротки. Он физиологически не в состоянии покорять пространство более, чем площадь цветка, шейку пчелы, ограниченную Садовым кольцом столицы. А также долго жить вне улья, тем паче без своего кормящего транспорта — пчелы. Начитавшись Маркса, Ленин тоже страдал от необразованности и совершил ошибку, вернув Москве статус столярного града: прежний навоз там еще не перегрел, не перегорел, не превратился в культурный слой, в почву, способную плодоносить, выгонять из семени живучий стебель.

Пусть Москва останется соляным символом прошлой эпохи, пусть даже Ильич лежит в своем мавзолее. Мертвец иногда помогает вздрогнуть, встряхнуться душе и проснуться, дабы увидеть, что мир больше, чем пределы видимой и осязаемой реальности.

Рано или поздно, но третья столица современной России будет на Урале. Только вдали от прошлых элитных гнездовий возможно окружить матку пчелами-чистильщиками, желательно из рабочих, вечевых пчел, которые и правят в семье.

А рабочей пчелой называется та, что собирает нектар...

ПАМЯТЬ СЕРДЦА К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. А. БЕЛЯЕВА

Леонид БЕЛЯЕВ

Леонид Александрович Беляев родился 17 июля 1939 года в древнем городе Белозерске на Вологодчине. Служил в армии в Заполярье, работал на судах заграничного плавания первым помощником капитана, трудился в районной газете, на областном радио. С 1968 по 1997 годы, почти непрерывно, Леонид Беляев работал на областном телевидении в городе Череповце. Окончил филфак Вологодского педагогического института. Высшие литературные курсы в Москве. В 1979 году поэт был принят в Союз писателей, в 1996 году присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». Леонид Беляев автор книг, вышедших в Вологде, Архангельске, Москве. Будучи в жизни на удивление душевным и открытым, чутким человеком, Леонид Александрович перенес свой талант и в поэзию. Он был из тех редких поэтов, кто сумел в поэтической строке дослушаться, доуловить вечного: его стихи стали заметным явлением в литературной жизни.

Тут грибы должны расти.
Но уже полно машин
Из соседней области.
Вот тебе и Чагода!..
Подошли не те года,
Когда возле города
Были гриб и ягода.
Не видать успеха нам:
По родной сторонке
Триста верст проехано.
А грибов — на донышке.

Деревня летом ожила,
Как в достопамятные годы.
Со всей страны детей свела
В дома под дедовские своды.
Шумит ведерный самовар,
И нет конца воспоминаниям.
«А что, вернись, пока не стар» —
Маячит в глубине сознания.
Но столько тут перепелось
Больших проблем в одном
вопросе —
Как разных трав. Что вкривь
и вкось
Перемешались на покосе.

Тополя роняют пух.
Белоснежных, невесомых
Ветерок гоняет сонный
Крупных мух.
Тополя роняют пух.
Он лежит. Скопаясь в лужах
Белой вязью легких кружев,

Мягко, сух
Тополиный белый пух.
Шла девчонка вдоль вокзала,
Улыбнувшись, вдруг сказала
Ясно, вслух:
— Тополя роняют пух.

СТРАНИЧКА ДЕТСТВА

Бывало так: на спящий город
Гроза ночная упадет —
И небосвод, огнями вспорот,
Вдруг в темных окнах оживет.
Я помню, бабушка вставала,
Крестила трижды сеновал
И чем-то белым накрывала,
Меня пугая, самовар.
Отца вопросами я мучил,
За ним таскаясь по пятам:
«Кто их полощет тряпки-тучи,
Кто их вкручивает там?..
Его ответам я не верил.
И весь в неверии таком,
Бесшумно отворяя двери,
Я пробирался на балкон.
И в мир туманных многоточий
Колумбом маленьким войдя,
Я открывал тетрадку ночи
В косую линию дождя.

Древний видится вал,
Брежу озером Белым:
Месяц там не бывал —
Годом кажется целым.
Чтоб совсем не зачах,
Мне хоть изредка надо

Согреться в лучах
Материнского взгляда,
Под сиянием звезд
Побродить по бульвару
Между лип и берез
С легкой грустью на пару...
Я приеду опять
В тихий час листопада.
Буду яблоки рвать
Из отцовского сада
И ловить пескаррей
В нашем старом канале.
Лишь бы только скорей
Эти дни наставляли.
Здесь я сын, а не гость,
Я не за день, не за год
Пропитался насквозь
Соком северных ягод.

Выходит в море пароход,
Выходит в море.
Привычно думает народ
О разном вздоре:
Валюта, ужин... Боже мой!
Уже качает,
А след мерцает за кормой,
Наш путь венчает.
Завинчивается вода
И пузырится,
Потом отстанет навсегда
И усмирится.
И я и все, как этот след:
Дни скоротечны.
А берегам износа нет,
А волны вечны.

ВЫХОДИТ В МОРЕ ПАРОХОД...

Мы поедем в Чагоду
Брать грибы да ягоду.
Далеко до Чагоды,
А доехать надо бы,

Потому что ближе-то
Все давно прочесано.
Трудно встретить рыжичек —
Все теперь с колесами.
Вот и бор. Свернуть спешим.

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

«Живые всегда виноваты перед мёртвыми, и равенства меж ними не было и во веки веков не будет».

Виктор Астафьев

В начале марта одна региональная общественная организация заявила меня на конкурс «Имя в культуре Вологодчины». Придав сначала особого значения данному событию, я всё-таки заглянул в день начала голосования на сайт «volodga-oblast.ru» и остолбенел... Срочно открыл Академический словарь русского языка и уточнил, правильно ли я понимаю, куда я попал...

Да нет: всё верно... Читаю: «Конкурс-соревнование, дающее возможность выявить наиболее достойных из числа его участников», где ключевое слово **СОРЕВНОВАНИЕ**. Посоревноваться в такой компании?! Круто! Пожалуй, «круче» и не бывает...

На старте, вместе со мной, справа и слева, в алфавитном порядке, стояли наши небожители, начиная от Василия Ивановича Белова, кончая Александром Яковлевичем Яшиным. Знаменитостей не на один десяток...

Это только из нашего литературного круга. Рядом, слабо ещё понимая, что здесь происходит, переминались с ноги на ногу художники и музыканты... Василий Васильевич Верещагин, Валерий Александрович Гаврилин и другие мэтры. Расслабились, видимо, почивая на лаврах... Некоторое уже по столетию и более. А тут энтузиасты, брошенные на культуру, с небес-то их и — «хрясь» о грешную землю... Дескать, вам ещё предстоит подтвердить свою состоятельность. Нас-то, в последнее время, регулярно переаттестовывают. А вы, чем лучше? Короче, «на старт!»...

«Только первые двадцать, чей вклад в культуру нашего региона посчитают выдающимся, будут удостоены чести быть вывешенными на баннерах по всей области» (цитирую, близко к тексту, «Правила проведения конкурса»).

Интересно, что к концу первого этапа конкурса выяснилось, что ни один муниципальный район и ни одно городское поселение области, включая Вологду и Череповец, имеющие право предоставлять свои предложения в список наиболее выдающихся деятелей культуры Вологодчины, не посчитали своим Николая Рубцова... Видимо, неприкаянность ему на роду написана, что при жизни, то после... Правда, к началу голосования, т. е. к концу 2-го этапа, кто-то всё-таки снизошёл до гениального поэта и заявил на конкурс...

Я, конечно, приуныл от перспективы потолкаться за эти призовые места с такими соперниками! Слава Богу, что Александр Сергеевич Пушкин и Фёдор Михайлович Достоевский — не с вологодскими корнями. А-то бы и их «замели» в общий строй... Одним словом, стою, рефлексую. Оглядываясь на современников, мол, как там они-то... Да нет, ничего, бодрячком! Никаких комплексов.

Простите меня, Игорь Васильевич...

(Хроника одного «конкурса»)

Вижу — у многих самооценка просто зашкаливает. Ну, ещё бы! В кои-то веки поставили на одну планку с классиками... Такое даже в самом фантастическом сне не приснится... Тут не до сантиментов...

Рванули с утрачка 25 марта... Правда, рванули, допустим, не все... Почти сразу ушли в отрыв работники культуры. Дружно, пелатонно, держатся художественные руководители, директора, методисты... То один, то другой, уходя в отрыв, мелькают в майке лидера. С деятелями же культуры, нашими непрекращаемыми авторитетами, всё не заладилось ещё на старте. То ли мэтры не прониклись чувством ответственности, не осознали, так сказать, важности эпохального события в истории культуры Вологодской области, да, не побоюсь сказать, и всей Руси... То ли, вообще, решили итальянскую забастовку устроить. А им что? Мёртвые сраму не имут!.. Они давно уже всё и всем доказали. Ещё при жизни... Но даже на их фоне редкой пассивностью отличились те, к примеру, кем гордятся череповчане... К 7 апреля, т. е. к концу первых двух недель голосования, мировая знаменитость Василий Верещагин оставался при своих 187 голосах, звезда поэзии Серебряного века Игорь Северянин, вообще не вышел за 135, а городской глава Иван Андреевич Милотин, при жизни которого Череповец называли не иначе, как Северные Афины, едва приблизился к первой сотне... Хотя основная масса лидеров готовилась перевалить за полтысячи. Видно, вольный дух Новгородского вече так и не выветрился в свободолюбивых душах моих земляков. А может быть, и вожжами себя не считали...

Это меня стало страшно напрягать. Тут ещё друг по несчастью, композитор Григорий Григорьев, стартовый номер 50, позвонил, сообщив, что собирается сойти с дистанции, но не знает, как это сделать с наименьшими моральными потерями. «Стыдно, батенька, — говорит, — больше не могу. Скоро приличные люди здороваться перестанут... А ты иди до конца. Сам же всё время говоришь, что нет ничего хуже незаконченных дел... Неси свой крест... Всё самое интересное обычно начинается в финале. При «раздаче слов». Мне потом расскажешь...»

Народ на улице стал подходить. Мы, дескать, голосуем за вас. Звонят и пишут друзья. Один так и говорит: «Спать не ложусь, пока за тебя не проголосую!» И ничем остановить их нельзя. Да ещё и обижаются: «Мол, мы тебя выдвинули и теперь в обиду не дадим... Если что не так, сайт обвалим или результаты обнулим, а то того хуже, всем тысяч по пять голосов выставим...». Еле, наиболее активных, угомонил. Держите себя, мол, в рамках приличий. Командую: «Суши вёсла! Пропустить

вперёд усопших!.. Неделю, прошу, просто за меня не голосовать...»

Но к финалу картина принципиально не изменилась. На 20.00 24 апреля, **ВРЕМЕНИ ПЕРВОНАЧАЛЬНО ОБЪЯВЛЕННОГО ОКОНЧАНИЯ ГОЛОСОВАНИЯ** (см. «Правила проведения конкурса»), Василий Васильевич Верещагин пришёл с 673 голосами, а Игорь Васильевич Лотарев прозябал со своими 453, Иван Андреевич Милотин, вообще оказался в аутсайдерах, с 243-мя... Большинство же передовиков давно перевалило за тысячу... А кое-кто и за 3... Но, самое противное, что я обгоняю именно этих троих...

Сон приснился — врагу не пожелаешь! Стоит надо мной Северянин и строго этак выговаривает: «Ты что ли... (далее длинный перечень непечатных выражений) меня решил подсесть?! Да ты...» — дальше тот же перечень... Я что-то мелю в своё оправдание... Мол, креативный проект... Новое слово в культуре... Так сказать, живые и мёртвые в едином порыве... Снося всех на своём пути... Буквально, по трупам соперников... Жесть! Волосы дыбом!..

Будь жив Альфред Хичкок, от зависти ушёл бы в творческий запой!.. Интернет-голосование... Да, согласен, профанация... Да, да! Ни в Бога, ни в чёрта!.. Да что Вы, Игорь Васильевич! Мне до Вас, как до Луны!!! Да Ваши бессмертные строки: «Как хороши, как свежи будут розы, моей страной, мне брошенные в гроб...» — я считал и считаю эталоном в лирической поэзии. Уж лучше бы я это не горючил... Он как взорвался: «Да!.. Да!.. Именно в гробу! Передай им, что в гробу я выдал этот конкурс!» Тут я окончательно струхнул, пал перед Королём поэтов на колени и возопил: «Простите меня, Игорь Васильевич! Беспутал! Всё она, гордыня проклятая... Искусители из туристическо-культурного кластера... Тьфу!... Как бы это по-русски... Если б я знал, что Вы... Да я бы... Никогда!..». Гляжу, а рядом знакомый художник стоит виновато перед Василием Верещагиным. Ему тоже не позавидуешь... Видимо, оправдывается, как он умудрился почти в 2 раза превзойти славою гения русской живописи.

Одним словом, проснулся в поту... И бегом к компьютеру... А там не засучаешь... Правила конкурса меняются прямо на ходу... К моменту официально заявленного времени окончания голосования появляется транспарант: «Голосование продолжено до 24 часов». Значит, что-то пошло не так... Быстренько выстраиваю первую 20-ку... Ба!.. Результат, по нынешним временам, вполне прогнозируем... 15-5 в пользу ныне здравствующих... И «в зачёт» не попадают звёзды первой величины на небосводе не то, что вологодской, но и российской культуры: Валерий Гаврилин,

Джанна Тутуджан, Владимир Корбаков, Варлам Шаламов, Сергей Орлов, Константин Батюшков... Василий Верещагин вообще, на 34 месте, а Игорь Северянин аж 44-й!..

И что? Да, наших первопроходцев такими пустяками не смутить! Двадцатка?.. Двадцатка превращается... Правильно! В тридцатку... И всё бы хорошо. Можно было бы и «уметь руки», если бы не этот неуправляемый художник... Вообще-то, череповчане «попили крови» организаторам... Я подозреваю, что, когда все уже облегчённо вздохнули, эрудированный руководитель задал кураторам конкурса наивный вопрос: «А где, коллеги, Верещагин?» И те, вероятно, с лёгкостью неимоверной, доложили, что где-то затерялся на подступах к вологодскому Олимпу. Но последовавшее за тем объяснение того, что вклад Василия Васильевича Верещагина в мировую культуру соизмерим с вкладом всех остальных, вместе взятых, за редким исключением, участников этого феноменального конкурса, стало для модераторов сайта подлинным ОТКРОВЕНИЕМ. Думаю, что проповедь Иоанна Богослова произвела на первых христиан не меньше впечатление... Кто бы мог подумать, что Василий Верещагин вместе со Львом Толстым номинировался от России, в 1901 году, на первую Нобелевскую премию... С гневными криками: «Где этот утопленник?!», бросились искать симулянта... А что его искать?.. Вон он: бредёт в лучах вселенской славы, с мольбертом под мышкой. С тем самым, с которм сгинул в морской пучине вместе с броненосцем «Петропавловск» в марте 1904-го...

Наконец-то, к всеобщей радости, 25 апреля, спустя 10 часов после очередного окончательного окончания голосования, особо уже не церемонясь и придав невиданное ускорение в виде невесты откуда взявшихся 300 голосов, втиснули сопротивляющегося художника предпоследним в заветную 30-ку финалистов. Сразу же за Константином Николаевичем Батюшковым... После чего на сайте появился долгожданный транспарант: «Голосование закончено».

А что, спросите, я?.. Да всё нормально. Остался у подножья в весьма достойнейшей писательской компании... С Беляевым Леонидом Александровичем, Викуловым Сергеем Васильевичем, Ганиным Алексеем Алексеевичем, Гиляровским Владимиром Алексеевичем, Засодимским Павлом Владимировичем, Кудрявцевым Владимиром Валентиновичем и со своими дорогами мне череповчанам... Только теперь, каждый раз, проезжая мимо Северянинской Владимировки, я вздрагиваю и крещусь, шепча: «Простите меня, Игорь Васильевич...»

Сергей ЯГОРБСКИЙ

Адрес газеты: www.literator35.bl.ee

Адрес электронной почты: ioann-7772006@yandex.ru

Издание подготовлено к печати при финансовой поддержке депутата ГД РФ В. Е. Позгалева.

Главный редактор А. А. Цыганов.
Редакционная коллегия: С. П. Багров, В. Н. Баранов, Г. А. Сазонов, М. И. Карачев, О. И. Ларионов, Ю. М. Максин, О. А. Фокина.

Редакция в переписку с авторами не вступает, рукописи не рецензирует и не возвращает, а также не имеет возможности выплачивать вознаграждение за опубликованные материалы.

Тираж издания 500 экз. Цена свободная.

Издание Вологодского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Адрес: 160000, г. Вологда, ул. Герцена, 36.

Номер сверстан и отпечатан в ООО ПФ «Полиграф-Периодика», 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3. Зак. . Подписан в печать по графику: в 12.00, фактически — 23.06.2014 г. в 12.00. Выход в свет — 24.06.2014 г.